

Большой план

A man in a dark suit stands with his back to the camera on the top step of a wide, multi-colored staircase. The staircase leads up to a stylized city skyline with various blue and grey buildings. The background is a bright blue sky with large, white, fluffy clouds. The overall scene is aspirational and represents a journey or achievement.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алексей Борисов

18+

Алексей Борисов

Большой план

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70172386

SelfPub; 2024

Аннотация

Чтобы преуспеть в науке, он вынужден идти на жертвы, в том числе на личном фронте. Избегать соблазнов трудно, особенно когда мимо проносятся «лихие девяностые». Конечно, это кризис, но выйти из него, как известно, можно через шоковую терапию. Однажды резко распахнется дверь, и путь назад будет отрезан... Жизнь порой делает удивительный выбор, не интересуясь мнением человека. А потом ему кажется, что предыдущие встречи и расставания вели его именно к этой цели.

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	14
Глава третья,	22
Глава четвертая,	32
Глава пятая,	39
Глава шестая,	44
Глава седьмая,	52
Глава восьмая,	62
Глава девятая,	69
Глава десятая,	78
Глава одиннадцатая,	86
Глава двенадцатая,	97

Алексей Борисов

Большой план

После долгих раздумий автор всё же отнес это произведение к жанру любовного романа. Ибо азарт азартом, деньги деньгами, но... all you need is love. Впрочем, не будем забегать вперед.

– Воздержание – вещь опасная! Знакомая мне учительница французского языка Эрнестина Иосифовна Пуанкаре никогда в жизни не пила вина. И что же! На одной вечеринке ее угостили рюмкой коньяку. Это ей так понравилось, что она выпила целую бутылку и тут же, за ужином, сошла с ума.

*Илья Ильф, Евгений Петров
«Золотой теленок»*

Глава первая, в которой главный герой удерживает равновесие

Граненый стакан был полон до самых краев. Олег Лапшин вздохнул и спросил со слабой надеждой на отрицательный ответ:

– Закуска есть?

Арсений Витальевич по прозвищу Шерхан округлил глаза.

– Обижаете...

Неуловимым движением он извлек из кармана джинсов тоненькую пластинку в фирменной обертке.

– Истинно мятный вкус.

Пить было надо, поскольку повод состоялся. Сборник статей ушел в печать сегодня утром – после того, как типография получила предоплату. Попало в него и несколько страничек за подписью Лапшина. Зачесть эту публикацию ему не успевали, но можно было выкупить за свой счет десятка полтора экземпляров и просто раздать на церемонии защиты.

– За будущего кандидата наук! – провозгласил Арсений Витальевич.

– За тебя! – по-своейски провозгласил Юлиан Кошечкин,

третий член их узкого кружка.

В отличие от Олега, Юлиан защитился полгода назад, в декабре. Та процедура прошла точь-в-точь по графику. У претендента всё было готово гораздо раньше, но бюрократические проволочки помешали управиться досрочно. Юлиана, вообще, отличала манера выполнять работу быстро или очень быстро. Пока его товарищ кропал свою статью, Кошечкин успел написать и разместить в разных сборниках аж четыре текста.

Олег задержал дыхание и резко, до дна, опрокинул в себя содержимое стакана. Перед заходом на кафедру он купил и съел пирожок с ливером, что оказалось весьма кстати: натошак эффект оказался бы убойным. Тем не менее, от выпитой водки лица его собеседников утратили резкость. Сняв очки, Олег протер их носовым платком. Не помогло. По всему телу растекся жар, шея и затылок враз одеревенели.

– Хороший у вас, ребята, выпуск. Сильный, – рассуждал тем временем Шерхан, жуя мятную пластинку.

Лаборант кафедры отечественной истории был человеком мирным и смирным, абсолютно не склонным к хищничеству. Оба приятеля знали его с первого курса. Арсений Витальевич тоже учился на их факультете и тоже окончил аспирантуру. Но с диссертацией у него не заладилось. Текст не представил в срок из-за идеологических придирок: только что грянул Афганистан, и везде закручивали гайки. Остаться в вузе помог либерально настроенный заведующий. Пере-

стройка не побудила Арсения Витальевича к продолжению научных изысканий. «Перегорел», – пояснял он.

Семьей он не обзавелся и на кафедре обычно просиживал от зари до зари. Знал буквально всё, что происходило в колллективе, всегда по-доброму откликался на просьбы студентов и аспирантов о помощи. Шерханом его за глаза прозвал другой молодой кандидат наук, остряк и балагур Борис Белкин. Как и Юлиан, Белкин выделялся энергичными манерами. Обретя первую ученую степень пятью годами ранее, он приближался к следующей. Нечто тигриное было им найдено, вероятно, во внешности бессменного лаборанта – точнее, в его пышных усах.

– Вы, Юлиан, далеко пойдете, – продолжал Арсений Витальевич.

Он ко всем всегда обращался на «вы», даже к первокурсникам.

– Ну, этого никто знать не может, – возразил Кошечкин, но было видно, что ему приятно слышать такое.

В дверь гулко стукнули. Шерхан, ничуть не утративший координацию движений, моментально убрал пустые стаканы в ящик письменного стола и крикнул:

– Да-да, войдите!

Дверь приоткрылась наполовину.

– Трофимыч тут, в деканате, – не переступая порог, предупредила Аня, лаборантка соседней кафедры археологии.

– Благодарю-с, – галантно ответил Арсений Витальевич.

Его личная система оповещения функционировала исправно. Сухого закона на истфаке не придерживались, но совсем неприкрытое распитие в рабочее время выпирало за рамки допустимого. Трофимычем между собой сотрудники звали профессора Калачева. Иван Трофимович вечно имел строгий вид, а в начале девяностых успел побыть народным депутатом. Его хождение во власть продлилось недолго, но добавило еще одну деталь к имиджу местного светила. Заведование кафедрой стало органичным продолжением для Калачева. Отечественную историю он действительно любил и привечал перспективную молодежь.

Кроме того, Иван Трофимович был научным руководителем Олега. Попадаться ему с ароматом алкоголя определенно не следовало. Вопросов, требующих обсуждения, к счастью, не накопилось, поэтому Олег вскочил с потертого массивного кресла еще, наверное, нэповских времен и живо откланялся. Водка действовала всё сильнее, из-за чего он едва не потерял равновесие. Помог стоявший рядом шкаф, за который удалось ухватиться. Шкаф, набитый всяческой документацией, опасно дрогнул на шатких своих ножках, но устоял.

– Позвоню вечером, – успел бросить вдогонку ему Юлиан. – Я тебе не всё рассказал.

По его лицу нельзя было ничего заподозрить, а жевательную резинку от Шерхана он дополнил своей. Да и позиции Кошечкина, кандидата наук и штатного преподавателя, счи-

тались куда более крепкими. В отличие от него, Лапшин пока мог лишь гипотетически надеяться на полставки. Насчет нее всё должно было проясниться после вузовских вступительных экзаменов.

Стараясь шагать максимально твердо и глядя прямо перед собой, Олег покинул тесноватый кабинет. Кафедра уже еле-еле умещалась на немногих квадратных метрах. Они достались ей, когда Лапшина только зачислили в детский сад. Участники общих заседаний ютились почти вплотную друг к другу, и вопрос о расширении поднимался регулярно. Ректор обещал всему факультету переезд в новый корпус на проспекте Победы, но строительство затягивалось.

– Привет! Далеко собрался?

– Привет, – ответил Олег, не снижая темпа.

Инна Седых, недавняя аспирантка, ныне ассистент кафедры истории средних веков, тоже стремилась покалякать с ним. В этом Лапшин был уверен на все сто. Между ними обозначалось подобие интрижки, так что Инне не терпелось расставить все точки над «и».

– Бежать надо. Завтра к вам заскочу, ладно? – добавил он и свернул в сторону боковой лестницы, подальше от деканата.

Голова стала полностью деревянной, а в желудке образовался тугой ком, настойчиво просящийся наружу. Олег едва успел домчаться до туалета, где его капитально вывернуло. «Пожалуй, пирожок с ливером», – решил он, кое-как умыв-

шись холодной водой и вытираясь тем же носовым платком. Как обычно, бумаги ни в одной кабинке не нашлось.

Олег скомкал мокрый платок и засунул в карман пиджака. В туалете противно воняло хлоркой, из распахнутого узкого окошка под потолком неслись звуки улицы. На грубо выкрашенной стене красовалась наискось процарапанная гвоздем надпись: «Fuck физфак». Лирики традиционно не жаловали физиков. С тех пор, как одиннадцать лет назад он поступил в университет, здешние интерьеры остались точно такими же. Только лето восемьдесят шестого было жарче.

Тогда и началась реализация Большого плана. Именно так, с заглавной буквы, Олег именовал его даже в мыслях. Хотя к подготовке он приступил полутора годами ранее, став трижды в неделю заниматься с репетиторами. На семейном совете его выбор восприняли более чем прохладно. Папа с мамой упорно склоняли к поступлению в другой вуз, где была возможность подстраховать сына и на экзаменах, и на протяжении учебы.

Ларчик открывался просто: в этом институте преподавал сам отец. За два десятка лет он заработал себе имя и связи, которых вполне хватило бы для устройства беспроблемной карьеры единственного наследника. Свою кандидатскую Андрей Викторович защитил еще в середине шестидесятых и этим ограничился. Причину он в беседе с Олегом обрисовал уклончиво: были, мол, трения с начальством плюс интриги завистников.

– У тебя все данные есть, чтобы меня превзойти, – сказал он.

Насчет данных отец в принципе не преувеличивал. С малых лет Олег отличался прекрасной памятью. Научившись читать очень рано, он глотал и усваивал огромные объемы информации. В институтской библиотеке, куда его привел папа, Лапшин-младший прослыл вундеркиндом. Школьные предметы тоже давались ему легко, разве что с химией возникли сложности. Но поскольку речь о медали не шла, передать ее на «пять» он не стал. На медаль, как заранее знали в обоих параллельных классах, тянули активиста и секретаря комитета комсомола Илюшу Судакова.

Илюша ныне, после окончания юрфака, был офицером налоговой полиции. Олег, сдав экзамены на «отлично», поступил на исторический. Визиты к репетиторам и собственные усилия оказались не напрасными.

– Всё в твоих руках. Тут мы тебе не помощники, – подвел первые итоги отец.

Следующей целью, согласно Большому плану, был красный диплом, дававший право сразу поступать в аспирантуру. Получилось, как выражался его детский футбольный тренер, на тоненького. Допустимо было иметь три четверки, и третью Олег схлопотал на предпоследней сессии. Его подвела история стран Азии и Африки, по которой он даже шпаргалки заготовил, но не рискнул ими воспользоваться.

– Может, еще раз придете, с другой группой? – спросила

Алина Юрьевна Маслова, листая зачетку.

Гуманизмом она обычно не грешила, но почему-то пожалела его.

– Нет, спасибо, – вежливо ответил Олег.

Лапшин не был уверен, что сумеет повторно пропустить через себя подробности восстания сипаев и конституционную реформу султана Абдул-Хамида. После двух лет армии, между первым и вторым курсами, его память сделалась чуть хуже. В той войсковой части, где он отдавал долг Родине, самым увлекательным чтивом был устав гарнизонной и караульной службы.

Удача, впрочем, не отвернулась от него. Заветный диплом открыл дорогу к новому этапу Большого плана. Андрей Викторович похвалил сына сдержанно, зато мама светилась от счастья.

– Ни о чем не думай, только занимайся! – категорично заявила она. – Мы тебя обеспечим.

Под ее словами была практическая основа. Времена настали смутные и трудные. Прилавки магазинов, тотально опустевшие к декабрю девяносто первого, в январе следующего года наполнились товарами, но цены кусались больно. Институт, где преподавал отец, очень пригодился всей семье. На его заочном отделении учились главным образом председатели колхозов и директора совхозов, по определению люди крайне занятые. За помощь при написании курсовых и дипломных работ, сдаче экзаменов и зачетов они

охотно благодарили чем Бог послал, то есть продукцией своих хозяйств. Эта практика существовала и во времена социализма, и мама как-то проговорила, что именно из-за конфликта на почве не афишируемых экономических отношений Андрею Викторовичу не дали хода в доктора наук.

Поэтому призрак голода ни разу не маячил перед Олегом. Условия для научных штудий действительно сложились прекрасные. Но вопреки всему Большой план вступил в зону турбулентности...

Глава вторая, в которой речь идет о нелегком ремесле писателя

На свежем воздухе Олегу стало получше. Боль в голове утихла, на смену ей пришла общая слабость. Лапшин был равнодушен к спиртному, но волей-неволей ему приходилось пить с коллегами. Шерхан злоупотреблял этим частенько – на взгляд окружающих, даже слишком. Свою слабость он с обезоруживающей улыбкой объяснял так: «Ну никак не могу иначе. Вот булькну чуток, открою книжку и странствую по иным мирам». Арсений Витальевич крепко подсел на переводные произведения в жанре фэнтези, потоком хлынувшие на российский рынок. Олегу казалось, что лаборанту, который в свои сорок пять выглядел заметно старше, больше ничего и не надо от жизни.

«Интересно, чего еще Юлька хочет?» – подумал он, на ватных ногах бредя по бульвару. Энтузиазм приятеля и его лихорадочная активность по составлению всё новых сборников периодически начинали раздражать его. Кошечкин, в сущности, эксплуатировал одну и ту же тему, связанную с опричниной Ивана Грозного. Хотя он проделывал это столь изящно, что до сих пор никому как следует не надоел. Из

многочисленных статей должна была вскоре вырасти толстая книга.

– Олег, здравствуйте!

Голос был знакомым, и Лапшин повернул голову.

– Добрый день, Валентина Сергеевна.

– На свидание спешите или просто оттуда удрали?

– Оттуда, – улыбнулся Олег.

Валентина Сергеевна была мамой Юлиана. Отец Юльки умер, когда будущему знатоку опричных дел исполнилось пять. Замуж она больше не вышла и воспитывала сына одна. Кошечкины жили в самом центре, неподалеку от университета, в так называемом обкомовском доме. В действительности дом был местом обитания разных людей: после его сдачи в конце сороковых состав жильцов разбавила вузовская элита, а в начале девяностых несколько квартир приобрели и отремонтировали по своему вкусу известные всему городу коммерсанты – водочные «короли».

– Плохо себя чувствуете? – участливо спросила Валентина Сергеевна.

– Почему?

– Глаза у вас красные. Ночами не спите, защита покоя не дает?

– Да, волнуюсь немножко.

При этих словах Олег чуть отвернулся в сторону, чтобы ненароком не дыхнуть на Юлькину маму.

– Не волнуйтесь, и это пройдет.

Валентина Сергеевна, невысокая худенькая женщина в сером платье, с простой прической и умеренным макияжем, по внешнему виду сошла бы за еще одну лаборантку. Между тем, она была профессором на факультете романо-германской филологии. Юлькин отец считался восходящей звездой биофака, к своим тридцати годам став доктором наук и лауреатом какой-то важной премии (Олег позабыл, какой). «Такие у меня гены», – приговаривал Юлиан, смешно теребя курносый нос. Генами он, впрочем, нисколько не кичился.

– Сейчас, конечно, ничего не пишете?

– Тезисы добиваю, – сказал Олег.

Тезисы предстоящего выступления он выдавливал из себя по капле. Выходило, на его взгляд, криво и косо, а еще до ужаса банально. Когда при участии Трофимыча формулировали тему, казалось, что предусмотрено и вероятное продолжение. Взятый в рамках Большого плана курс производил надежное впечатление. Как гласил плакат, висевший у Лапшина в школе: «Дорога верная у нас: сначала в ПТУ, потом в рабочий класс!» Разумеется, в данном случае речи о пролетариате не было и быть не могло. Имелось в виду последующее написание докторской. Заведующий кафедрой с высоты своего опыта учел восприятие и проходимость еще не написанного труда в академических лабиринтах.

– Я не про тезисы. Литературу забросили? – уточнила Юлькина мама.

– Забросил окончательно, – честно признался Олег.

– Может, напрасно?

– Может.

«Растрепал всё-таки», – подумал Лапшин. Мечта о писательстве была у него с детства. Первый рассказ, насквозь наивный и беспомощный, он сочинил в четыре с небольшим года, в гостях у дедушки с бабушкой. Дед так и объявил, передавая его родителям с рук на руки, вместе с тетрадкой: «Забирайте писателя». Это было нечто, навеянное военными кинофильмами и крайне скупыми дедовскими воспоминаниями. Раненый в зимнем бою под Курском и потерявший два пальца на правой руке, Николай Семенович долго лежал в госпитале и был комиссован подчистую. Тетрадь в линейку, в которой маленький Олег карандашом выводил печатные буквы, увы, не сохранилась.

Более основательный приступ он предпринял в пятнадцать лет. То был коллективный труд, на пару с закадычным другом Сашкой. По примеру Ильфа и Петрова, а то и братьев Стругацких, они сходу взялись за роман в трех частях, с прологом и эпилогом. Идеи подкидывал преимущественно Сашка, валяясь на кушетке (творили у него дома), Олег вносил дополнения, записывал текст от руки, а потом доводил до ума на машинке. Распечатку правили вдвоем, затем Лапшин под копирку выдавал три чистовых экземпляра. Трудились на удивление методично, не давая себе поблажек, и меньше, чем за год, роман был завершён. Исходным материалом для него послужила хорошо знакомая им школьная

жизнь.

В выпускном десятом классе обоим стало не до творчества. Потом Сашка поступил в политех, где занятия начинались в первую смену (истфак занимался во вторую). Увидеться лишней раз было проблематично. Олег через товарища из своей группы и его родителей вышел на литературного сотрудника областного издательства. Тот недели две держал его рукопись у себя, а на после, на личной аудиенции, зачем-то расспрашивал о том, откуда взялся Лапшин, кто надушил его писать. Сашка прийти не смог, и на все вопросы Олег отвечал один.

«Видите ли, занимательность – это далеко не всё, – глубокомысленно изрек сотрудник. – Вы не обижайтесь, но чего-то вам не хватает. Возможно, какого-то нутряного начала». Олегу было любопытно, что это за нутряное начало и есть ли у него нечто общее с нутрией, однако он благоразумно решил не задавать дополнительных вопросов. Человека из издательства с его витиеватыми рассуждениями Лапшин всерьез не воспринял. Других контактов в литературных кругах у него не было, да и повестка из военкомата подоспела.

Позже он узнал, что его собеседник, оказывается, член Союза писателей, автор очерков про деревню. С деревенскими реалиями Олег был знаком в основном по поездкам в колхоз, на прополку сурепки и уборку картошки. Вряд ли веле-речивый сотрудник писал об этом. Сашка с юмором отреа-

гировал на рассказ друга о походе за рецензией. Он увлекся игрой в КВН, и доля романиста его больше не прельщала. Кроме того, выяснилось, что у Сашки обнаружена хроническая болезнь, дающая возможность быть призванным только в случае мировой войны.

После возвращения Олега из вооруженных сил их дружба шаг за шагом сошла на нет. Лапшин же, по старинному русскому обычаю, сделал третий заход – уселся за повесть об армейских похождениях. Продвигался медленнее, чем в тандеме с Сашкой, правил и шлифовал более тщательно. Много времени отнимала учеба: наверстывал упущенное за годы службы. А процесс, ангажированный генеральным секретарем ЦК, не стоял на месте – гласность хлынула такой волной, что смела все препоны и барьеры. И собственные наблюдения с откровениями вдруг показались ему мелочными, не достойными чьего-либо внимания...

– Я доверяю вкусу Юлиана, – мягко добавила Валентина Сергеевна. – Конечно, это совсем не мое дело – давать непрошенные советы, но подумайте еще. Не горячитесь.

– Я не горячился, – возразил Олег.

– В юности мы порой принимаем поспешные решения. А знаете, что главное?

– Что?

– Не пожалеть о них через много лет.

«Есть в твоих строчках благородное безумие, старик», – так оценил его недописанную повесть Юлиан. Лапшин давал

ему почитать и то, что успел перепечатать, и несколько рукописных глав – как было, с зачеркиваниями и исправлениями.

– Вы о чем-нибудь жалели? – бестактно спросил Олег.

Валентина Сергеевна не обиделась.

– Каждый, кто способен думать, о чем-то иногда жалеет, – ответила она дипломатично.

«Тр-р-р!» – раздался вдруг приглушенный звук.

– Простите, – собеседница Олега открыла сумочку, достала оттуда серебристый мобильник Motorola и выдвинула антенну.

«Ого!» – оценил он. Сотовая связь была сказочно дорогой, обладание такой трубкой считалось признаком крутизны.

– Да, Ирина Павловна... Пока нет... Поняла... Хорошо, буду через десять минут.

Голос Юлькиной мамы во время этого краткого разговора изменился на сухой, без малейших эмоций. Что произносила Ирина Павловна, Олег не расслышал. Кажется, он изъяснялась так же отрывисто, но повелительно. «Кто-то из универа? Не похоже. Нет там среди главных начальников Ирины Павловны», – мысль мелькнула и улетела прочь. Какая разница, кто звонил мало знакомой ему женщине за пятьдесят? Они и виделись-то раза два или три, когда он заскакивал к Юльке за монографиями, а еще однажды в день рождения приятеля. Та встреча была самой краткой: Валентина Сергеевна сразу попрощалась и исчезла, оставив их мужскую ком-

панию за накрытым столом.

– Меня торопят, извините. Вечером Юлиан позвонит вам, – с этими словами Юлькина мама ускоренным шагом направилась к проезжей части.

Спустя полминуты она уже садилась в попутную машину, которая затормозила после энергичного размахивания рукой. Олегу почудилось, что Валентина Сергеевна не успела сказать ему что-то еще.

Глава третья, в которой Олег думает про обеспеченную старость

– Часто выпиваете, – сказала мама за ужином.

Чтобы выветрился предательский запах, Олег долго гулял по центру, минут сорок исследовал содержимое книжного магазина, особенно много времени уделив отделу фантастики, и только после этого поехал на автобусе домой. Но у мамы было потрясающее чутье на подобные прегрешения.

– Пришлось, – лаконично ответил сын.

– Ты не увлекайся, ладно?

Мамин голос звучал встревоженно. Сколько Олег помнил себя, она всегда страшно переживала за него. В зависимости от возраста поводами для беспокойства становились то хождение по лужам, то поедание невымытых овощей и фруктов, то отсутствие шапки в холодную погоду. Чем старше он делался, тем более неловко чувствовал себя при таких проявлениях заботы.

– Насчет банкета всё в порядке? – спросил Андрей Викторович.

– Да, со столовой договорились.

– Кто договорился?

– Я вдвоем с Кошечкиным ходил, он у нас хваткий, – сказал Олег.

– Там же без спиртного?

– Без.

– А что решим?

– Юлька брал на свою защиту в какой-то фирме, по знакомству. Вроде надежно там.

– Ох, не отравите народ... Скандал будет!

Отец тоже начинал раздражать своей плотной опекой. Олег вздохнул, косвенно давая понять, что он уже не маленький, поковырял вилкой в котлете и повторил:

– Там надежно.

– У меня знакомые остались в профсоюзе, – вмешалась мама. – Может, лучше через них достать?

В марте ее проводили на пенсию из профсоюза работников торговли, где она отработала последние семнадцать лет. Со времен дефицита у нее осталась глубокая вера в то, что главное – найти нужных людей. Но в России 1997 года на бытовом уровне связи решали мало. Ключевое значение имели деньги. Само понятие «достать» звучало как анахронизм.

– Мама, успокойся. Кошечкин покупал у них и на свой день рождения, и на юбилей шефа. Проверено, – аргументировал Лапшин-младший.

– Ну, не осрамитесь...

Пятидесятилетие заведующего кафедрой отметили в конце апреля. Юлька по такому случаю тоже подсуетился, вы-

ступив поставщиком стола уважаемого Ивана Трофимовича. Кроме проверенной водки, он приобрел шампанское для дам.

Остаток общей семейной трапезы проходил в тишине. «Напьюсь до поросячьего визга, – подумал Олег, без аппетита доедая котлету с макаронами. – Сорок пять минут позора и – обеспеченная старость. Так ведь принято говорить? Всех выслушаю, всех поблагодарю и напьюсь. Нажрусь прямо вусмерть, вот. Пусть меня Юлька на себе тащит». В том, что приятель не бросит его посреди улицы, он не сомневался.

– Спасибо, – сказал наконец Олег, вставая с кухонной табуретки.

– Тезисы писать? – спросила мама, выказывая знание всех тонкостей его научной деятельности.

– Буду, – пообещал он.

Закрывшись на шпингалет в своей комнате, бывшей детской, без пяти минут кандидат наук полез в недра дивана и достал пухлую красную папку с завязками. На ней был вытиснен герб города Орла, куда отец ездил в командировки. Ее содержимое не относилось ни к Орлу, ни к аграрному сектору. Внутри папки лежала незавершенная повесть, включая черновики.

Олег принял горизонтальное положение на диване и стал перебирать мелко исписанные листы. То были главы, не переведенные в машинопись. Кое-где на полях стояли знаки вопроса, которые появились при повторных читках и раз-

«Старший лейтенант Горюнов, заступивший на дежурство начальником смены, был комсомольским вожаком седьмого дивизиона. Помимо собирания взносов со скромных солдатских получек, он отвечал за выпуск боевых листов и стенгазеты. Листки выпекались по истари заведенному шаблону: «Отличились в лучшую сторону... Отличились в худшую сторону...» и, провисев день на специальной доске, прятались навеки в шкаф. Иное дело газета. То был труд на порядок или два более сложный, состоявший из нескольких заметок разных размеров. А еще начальник политотдела бригады, полковник Лукин, требовал от Горюнова какого-то духа гласности, критики и самокритики.

Горюнов плюнул в противопожарный водоем рядом с капониром. И в этот миг его осенила гениальная идея. Управленческое решение пришло как будто само. Спустя четверть часа, получив все необходимые вводные, над стенгазетой уже матерился рядовой Рыжов, до призыва отучившийся год в университете. Лидер же комсомольской организации бережно взял в руки аккордеон, и над притихшим вечерним лесом, камышами и болотцами, над позицией радиотехнической батареи понеслись рвущие душу звуки. Так мог играть только человек, подлинно чувствующий музыку...»

Ухмыльнувшись, Олег сложил листы и закрыл папку.

«Благородное безумие? Или чушь собачья? Эх, рецензенты нутряные. Белинские!»

Телефон в прихожей выдал долгую трель. Мама первой взяла трубку и ответила что-то. Потом аккуратно постучала в дверь бывшей детской.

– Юлиан звонит. Попозже?

– Нет, я отвечу.

Голос у Юльки был, как всегда, бодрым и звонким. Кто-то считал, что он звучит недостаточно весомо для лектора.

– Пишешь, наверное? Отвлекаю?

– И ты туда же.

– В смысле?

– Неважно. На диване валяюсь. Чего хотел?

– Э-э... У тебя с политикой какие отношения?

Лапшин даже не сразу нашелся, что сказать в ответ. Хотя его научные интересы ограничивались второй половиной девятнадцатого века, события текущей истории тоже были небезразличны студенту, а далее аспиранту. Шесть лет назад, в июне девяносто первого, он даже ходил на митинг с участием Ельцина. Главная городская площадь была забита желающими поглядеть на лидера суверенной России. Олег явился вдвоем с отцом, и они едва могли пошевелиться в тесной толпе. Из всего сказанного Борисом Николаевичем особенно запомнился призыв к директорам заводов смелее переходить в его юрисдикцию. Специальное слово «юрисдикция» он произносил с нескрываемым удовольствием.

Толпу содержание речи волновало мало. Ее больше бодрили флюиды, которые исходили от оратора. Женщина лет тридцати пяти или чуть старше, стоявшая прямо перед Олегом, кажется, испытывала ощущение, близкое к оргазму. Видимо, по случаю приезда высокого гостя она нарядилась в белое платье до щиколоток, сквозь которое просвечивали детали нижнего белья. Фигура под платьем была классная, но Олегу отчего-то подумалось, что личная жизнь у политизированной гражданки не складывается. «Уверенно чешет», – подытожил Андрей Викторович, когда вместе с сыном выбрался на оперативный простор.

Бурные события августа со свержением ГКЧП застали Олега вдали от дома, в Лазаревском. Путевку в профсоюзную здравницу на Черном море достала, конечно, мама. Привычно прихвативший с собой портативный приемник, он слушал на пляже западные радиоголоса и сопереживал борцам за демократию. Но, воротившись на малую родину, Лапшин не бросился в омут перемен по примеру части ровесников. Большой план по-прежнему требовал внимания, усердия и неукоснительного выполнения.

Когда в город зачастили вожди помельче, представлявшие то кадетов, то христианских демократов, то коммунистов разной степени красноты, он по наущению гиперактивного однокурсника Женьки Бакулина посетил несколько собраний. Женька сотрудничал с независимой газетой, которая возникла на обломках старого режима. Там ему платили

недурные гонорары и вроде обещали произвести в штатные корреспонденты...

– Ты же в курсе моей биографии, – сказал Олег.

– Мы сейчас про что? – осведомился Юлька.

– Я тебе рассказывал.

– Как в редакцию звали?

– Да.

Удивительный случай произошел с Олегом поздней осенью девяносто второго. Женька без звонка заявился к нему домой, вытащил однокурсника на полутемную лестничную площадку со слабо мерцавшей лампочкой и горячо агитировал примкнуть к нему. Редакция, для которой он пописывал свои репортажи, нашла спонсора и задумала расшириться. Бакулина, как ярко зарекомендовавшего себя, брали репортером без испытательного срока. Заодно ему поручили найти дополнительную творческую единицу, тоже на полный оклад.

– Ты потянешь, даже не сомневайся, – убеждал Женька. – Три месяца – это фигня. Пролетят, не заметишь. Испугался, что ли?

Лапшин никаких испытательных сроков не боялся. Более того, что-то необычное шевельнулось у него внутри. В принципе его не отличала тяга к авантюрам, однако Женькины слова породили смятение в душе. Давным-давно, в милом и беззаботном детстве, он, кроме писательства, мечтал о журналистике, которая виделась ему подлинно романтической

профессией. Реальные порядки в сообществе пишущих и снимающих, естественно, были для него тайной за семью печатями, так как информацию он черпал из книжек и фильмов. Вторая мечта осталась там же, где упокоилась первая, поскольку поступить после десятого класса на журфак было крайне сложно. Предпочтение отдавали абитуриентам с характеристиками от обкома и горкома. Кроме того, быть подручным КПСС ему не хотелось. Теперь обком и горком отошли в мир иной.

– Давай, давай, решайся, – напирал Бакулин, от нетерпения постукивая кулаком по батарее парового отопления. – Мне до завтра надо определиться.

– Я тебя наберу, – сказал Олег.

По этому поводу был экстренно созван семейный совет. Доводы Олега насчет того, что, мол, он уже на последнем курсе и зачетка работает на него, а не он на зачетку, не впечатлили папу с мамой.

– Зачем тебе газета? – в лоб спросил Андрей Викторович.

– Интересно попробовать, – откровенно ответил он.

– Для чего? Что это даст?

Олег сам не знал, для чего. Просто нечто забытое вдруг поманило его за собой. Он понимал, что со временем будет катастрофически туго, дипломная работа не доделана и хватать четверок ни в коем случае нельзя. Но шанс попасть в настоящую редакцию, да еще в отдел политики... Произойдет ли с ним что-то подобное еще раз?

– Я тебя прошу: не соглашайся, – умоляюще произнесла мама.

– Женька ведь совмещает.

– Женька в аспирантуру не идет. Он доучится кое-как и останется в своей газете, если ее не закроют. А у тебя другие цели!

Большой план, утвержденный всей семьей, не предполагал никаких газет и прочих боковых движений. Сил и времени в него за шесть лет была вложена уйма.

– Ты не мальчик, сам должен всё понимать, – добавил отец.

Обсуждение завершилось без итоговой резолюции. Решиться набрать номер Женьки было ох как тяжело. В конце концов, в десять вечера, Олег созвонился с приятелем и односторонне отказал ему. Тот понял что-то по его сумрачному тону и переубеждать не стал.

– Ну, я тебя ни в какие редакции зазывать не буду, – сказал Юлиан.

– Уже хорошо.

По тону Лапшина можно было сделать противоположный вывод.

– Но кое-какое предложение у меня есть, – продолжил Юлька.

– Опять сборник?

– Нет.

Собственно, предложение было не у Юльки, а у его мамы.

Оказалось, что она сейчас совмещает свои профессорские обязанности с работой на важное лицо. И лицу срочно требуется помощь в одном вопросе: разумеется, не за спасибо.

– Само не справляется? – поддел Олег.

– Сатирик доморощенный, – добродушно парировал кандидат наук.

– А можно подробнее?

– По телефону не могу, извини.

– Зачем тогда просил позвонить?

– Чтобы в целом договориться.

Со стороны Олега последовал тяжкий вздох.

– Слушай, Юль, хорош в индейцев играть. Колись.

– Права не имею, вот тебе крест, – по православному или, возможно, опричному обычаю заверил Юлька.

В воцарившейся тишине Олег уловил какой-то шорох в прихожей, под дверью комнаты. «Мама подслушивает?»

– Приходи завтра и сам всё узнаешь, без посредников.

– Куда?

Когда коллега назвал адрес, Лапшин присвистнул.

– Меня пустят?

– Пустят, только паспорт возьми.

Глава четвертая, в которой дверь кабинета распахивается очень резко

Дом на главной площади был построен в эпоху позднего сталинизма, так что имперского величия ему хватало. Олег, сколько себя помнил, ходил мимо, не задерживаясь. Перед зданием росли классические голубые ели, а перед елями парковались многочисленные служебные «Волги» двух цветов – черного и белого. Дверь парадного подъезда открывалась с усилием, будто давая понять каждому входящему, что нечего шляться сюда по пустыкам. В просторном фойе на первом этаже, обшитом коричневыми деревянными панелями, входящих встречали два милиционера.

– Здравствуйте. Я – в кабинет 310, на меня пропуск заказан, – сказал Лапшин.

– Документы покажите, – равнодушно отреагировал один из стражей, с погонами старшего прапорщика.

Метнув более-менее живой взгляд на лицо гостя, он сличил увиденное с фото и вернул паспорт Олегу.

– Куда идти, знаете?

– Понятия не имею.

– Направо по коридору до конца. Там на лифте или пеш-

ком на третий этаж.

Порог бывшего обкома Олег переступил впервые. На первом этаже со сводчатым потолком, прохладном и пустом, было тихо. Ни одна из дверей не распахнулась, пока Лапшин двигался в указанном направлении. Фамилии на табличках ни о чем не говорили ему. Пол устилала ковровая дорожка, глушившая шаги. Цветом она походила на папку с рукописью, лежавшую в диване у Олега. В целом интерьер не производил впечатления новизны, хотя паркет слева и справа от дорожки блестел свежим лаком. Потолок белили тоже вроде совсем недавно.

Лифт понравился больше. Современный, немецкого производства, он ехал быстро и плавно. Кабина сияла идеальной чистотой, и уж, конечно, ни один из обитателей или посетителей этого здания не малевал на ее стенках жуткие рожи и не ломал кнопки. Олег легко отыскал дверь с номером 310 (она оказалась близко от лифта), но помедлил перед тем, как войти. Табличка с фамилией на двери отсутствовала. Длинный коридор был, как и на первом этаже, почти пуст – лишь двое мужчин в темно-серых костюмах удалялись по другой ковровой дорожке, но уже зеленого цвета, с пышной бахромой.

«Развернуться, пока не поздно? А выпустят ли? Тут вроде отмечают время убытия, милиционер на вахте предупреждал. Смех и грех будет, если захочу смяться и не смогу». Дурацкие мысли стремительно проносились в голове у Оле-

га, застывшего перед кабинетом. Возможно, он и спустился бы вниз и наплел бы что-нибудь охранникам парадного подъезда (в самом деле, не арестуют же?). Возможно, его и отпустили бы восвояси, пожурив для профилактики. Проверить это на себе он не успел. Дверь с тремя цифрами распахнулась настежь, чуть не попав ему по носу.

– Идите лесом!

От этого громогласного восклицания, а больше из опасения получить травму Олег отпрянул назад.

– Вам кого?

Обладательница повелительного голоса мало походила на привычный образ чиновника. На вид ей было лет под тридцать, короткие черные волосы на голове топорщились ежиком, таким же черными и густыми были брови вразлет. Бледная кожа, крупный нос с горбинкой, тонкие некрашенные губы, по-кошачьи зеленые, с прищуром, глаза. Высокая, ростом с Олега, худая, как гимнастка на помосте, она была одета в мужскую бело-синюю рубашку в клетку, носимую навыпуск, и узкие черные джинсы в тон волосам. Наряд свободного покроя дополняли коричневые мокасины.

Вся девушка производила впечатление какой-то резкости и ловкости. Покой ей, кажется, был не свойственен. Назвать ее более тяжеловесным словом «женщина» Лапшин даже не подумал. Еще почему-то вспомнилась экзальтированная соседка на митинге девяносто первого года – несмотря на полное отсутствие сходства.

– Я к Валентине Сергеевне, – сказал он.

– А, по духовной части.

– По какой? – не понял Олег.

– Заходите, не стойте.

Так и не поняв смысла встречной реплики, он пробормотал: «Спасибо» и вошел. Путь к отступлению был отрезан.

За первой дверью оказалась вторая, тоже без таблички. Узенький тамбур между ними, благодаря плотной обивке на стенах и потолке, предохранял кабинет от посторонних ушей. Олег читал о таких, но раньше не видел. Открывшееся его взору сразу заставило переключиться на другую волну.

Помещение было очень просторным, раз в пять больше кафедры отечественной истории. Вдоль стен стояли письменные столы, все как на подбор офисные, стильные. Университету такая мебель была не по карману. На столах красовались новенькие компьютеры, перед мониторами сидели молчаливые и сосредоточенные люди.

– Добрый день!

Валентина Сергеевна встала из-за стола в дальнем правом углу, возле окна. Приветствуя гостя, она едва уловимо улыбнулась, но Олег ощутил напряжение, разлитое в воздухе.

– Пойдемте в переговорную, я вам всё расскажу.

– Куда?

Юлькина мама жестом указала на еще одну дверь, которую Олег сразу не заметил. Та почти сливалась со светлыми обоями под «евро». Размерами переговорная несколько

уступала основному кабинету, в ней длинный стол с черной пластиковой столешницей, на блестящих металлических ножках, соседствовал с десятком стульев. Частично загорая оконный проем, стояла доска для писания фломастерами.

– Объясните, пожалуйста, как это называется.

Валентина Сергеевна улыбнулась снова.

– Если официально, то аналитическая группа.

– А неофициально?

– Неофициально мы – часть избирательного штаба.

– Избирательного? – удивился Олег.

Полгода назад область пережила выборы губернатора, на которых победил нынешний хозяин дома с голубыми елями. Путевку в политику ему дал комсомол, а доучивался этот, в общем, добродушный человек в кресле мэра. Де-юре он состоял в партии «Наш дом – Россия», де-факто слыл скорее хозяйственником, предпочитая без шума и пыли договариваться со всеми. В ближайшее время никаких других выборов на его территории не предвиделось.

– Я за местными хитросплетениями не слежу, могу ошибиться, – попробовал оправдаться Лапшин. – В городе, по моему, тишина.

– В городе да. На севере области дополнительные выборы в Госдуму.

– Дополнительные?

– Олег, вы точно перезанимались.

В нескольких фразах мама Юльки разъяснила, что новый губернатор позвал к себе в команду одного из депутатов федерального парламента. Тот сложил мандат, и за вакантное место развернулась ожесточенная схватка.

– Вообще не в курсе, – покаялся Олег.

– Теперь будете.

– Ну, а вы за что отвечаете?

– В основном за связь с типографией. Еще немножко консультирую кандидата, помогаю сориентироваться в наших нюансах.

– Он приезжий?

– Она.

Претендентом номер один на право заседать в Госдуме была Ирина Павловна Шереметьева, президент группы компаний, видный деятель союза промышленников и сопредседатель русского патриотического собора. Олег, правда, и о ней слыхом не слыхивал.

– Этот собор... я ошибаюсь, или он с коммунистами заодно?

– Там разные люди, – уклончиво ответила Валентина Сергеевна.

Лапшин почувствовал, что она не желает углубляться в щекотливую тему, и сменил направление беседы.

– Шереметьева случайно не из боярского рода?

– Якобы имеет к нему отдаленное отношение.

– Тогда самый интересный вопрос: я-то вам для чего?

Кошечкина-старшая посмотрела на него без тени улыбки.
– Нам нужен писатель.

Глава пятая, в которой звучит кровожадное слово «киллер»

– Удружил ты мне, – проговорил Олег, хлебнув джин-тоника прямо из банки.

Кошечкин то ли хмыкнул, то ли хохотнул коротко.

– Но любопытно же?

– Влипну я со своим любопытством.

Юлиан тоже сделал добрый глоток.

– Вспомни: жаловался, что тоска на нашей богоспасаемой кафедре? Ныл про однообразие?

Крыть было нечем. Приятели уселись на кухне у Юльки, прежде взяв бодрящего напитка в ларьке у дома. Валентина Сергеевна еще не вернулась из типографского цеха, куда поехала за пробными экземплярами какой-то листовки.

Беседу с Олегом несколькими часами ранее она мигом повернула в практическое русло. Писатель требовался под очень специфическую задачу. Ирине Павловне и ее штабу бросил вызов неожиданный и реально опасный конкурент. Сам по себе частный предприниматель Полищук вряд ли мог затмить титулованную москвичку, но у него вдруг обнаружись огромные деньги на кампанию. Занервничал даже гу-

бернатор, не предполагавший чего-то подобного. По словам Юлькиной мамы, он решил, что в процесс вмешался некто, желающий подорвать его позиции.

С Шереметьевой всё уже было договорено. Глава области пообещал ей безусловную поддержку и разместил ее сотрудников прямо в здании на площади. Афишировать этот факт, конечно, не рекомендовалось, и тем не менее он скоро стал секретом Полишинеля. Пока в резиденции губернатора пытались вычислить, чьи происки имеют место, Полищук со своей свитой развернул бурную активность. Его автопоезд колесил по дальним районам, а молодые люди в футболках и кепках с портретом кандидата раздавали гуманитарную помощь.

В ход шли пакеты с сахаром, мукой и гречкой, бутылки подсолнечного масла, консервированная тушенка и даже леденцы на палочке. Немудреная бакалея пользовалась ажиотажным спросом. Селяне, которым постоянно задерживали зарплаты с пенсиями, питались главным образом продуктами со своих огородов. Естественно, такие незапланированные дары приводили их в искреннюю радость. Ловить, вязать и карать раздатчиков пищи мелкие чиновники с милиционерами не собирались. С оплатой их труда тоже не всё было гладко.

Аналитики, привезенные Ириной Павловной из столицы, солидарно пришли к выводу: «Надо мочить». Прервать наглую поступь конкурента можно было, согласно их выводу, лишь вываляв его в грязи. При этом, само собой, и Шереме-

тьева должна была удвоить усилия по продвижению своего позитивного имиджа.

На логичный вопрос, почему бы почетному академику не выписать еще одного специалиста из Москвы, Валентина Сергеевна ответила не очень убедительно.

– У нас мало времени. Пока специалист вникнет, будет поздно.

Олегу показалось, что она недоговаривает. Не став пытаться ее в стенах государственного учреждения, он просто предложил:

– Пригласите тогда кого-нибудь из журналистов, профессионалов.

– Через пару-тройку дней об этом станут болтать во всех редакциях, – возразила Юлькина мама.

– Киллером, значит, предлагаете побыть?

– Олег, ну зачем такое кровожадное слово? Есть правильный термин: контрагитация. А подкупать избирателей разве хорошо, красиво?

Юлька, конечно, втравил его в сомнительную историю. «Но ты же пошел, ты же сам согласился попробовать. Тебя ведь никто не заставлял», – мысленно говорил себе Олег, вертя в руке алюминиевую банку с запахом можжевельника.

– Не бери в голову. Зато будет что вспомнить, – напутствовал его Юлька. – Деньги нормальные пообещали?

– Нормальные.

– Вот и ликуй-веселись.

Пообещали ему триста долларов, из них сто выдали авансом. Много это или мало за такую работу, он точно не знал. Аспирантская стипендия все три года была просто смехотворной, ее не хватало даже на элементарные потребности. Без родительской помощи Олег в прямом смысле протянул бы ноги от истощения. Всего себя посвящал учебе и подготовке диссертации и, помня про Большой план, никуда не устраивался и халтур не брал.

Когда заключили устное джентльменское соглашение и собирались покинуть переговорную комнату, Лапшин не выдержал, спросил Юлькину маму:

– Что за девушка у вас такая резкая?

– Какая девушка?

– Которая мне дверь открывала.

Валентина Сергеевна усмехнулась.

– Произвела на вас впечатление?

Олег смутился.

– Да нет, я другое имел в виду.

У профессора романо-германской филологии озорно заблестели глаза.

– Елена – эксцентричная особа. Не подбирает выражений, если спорит. Манеры у нее тоже своеобразные. Сами увидите.

– А кого она лесом посылала?

– Мы с ней немножко подискутировали перед вашим приходом.

– Что же дальше будет?

– Продолжим трудиться.

Видя недоумение во взгляде у Олега, Кошечкина добавила:

– Московские штучки. Относитесь к ним спокойнее...

Когда джин-тоник был допит, Лапшин всё-таки задал Юлиану еще один вопрос, крутившийся у него на языке.

– Прости, если не к месту. Эта Елена про духовность говорила. Твоя мама здесь при чем?

К его удивлению, самоуверенный Юлька чуть стушевался.

– Она в одном фонде подрабатывает – ну, кроме своей кафедры. Так, ничего особенного: брошюры печатают, на храмы жертвуют. Я не вникал, не моя епархия.

Врать друзьям-приятелям молодой ученый не умел совсем. Может быть, потому что его жизненный опыт был поменьше, чем у Олега. Как и бывший друг Сашка, он избежал лишней армейской службы, обзаведясь ценной справкой. Мама просто не пережила бы его попадания куда-нибудь на Землю Франца-Иосифа или в степи Забайкалья.

– Да мне всё равно, – натурально соврал Олег.

В этот момент у дверей квартиры загремели ключами, и Юлька стал замечать следы вечеринки. Валентина Сергеевна тоже не одобряла частых возлияний.

Глава шестая, в которой разворачивается поиск эффективной точки

Олег украдкой поглядел на часы. Совещание в переговорной длилось третий час, и стрелки уже показывали без десяти одиннадцать. Но Ирину Павловну это не смущало и не останавливало. Примчавшись из очередного тура по районам, она учила сотрудников штаба жить и правильно выполнять свои обязанности. Лапшин был вынужден сидеть вместе с коллективом и пропускать через себя поток ее красноречия.

Согласно канонической биографии, Шереметьева начинала трудовой путь прорабом на стройке, и Олег решил, что это похоже на правду. Далекое не каждый мужчина в расцвете сил справлялся бы с такими нагрузками, как она. Отсутствие богатырского телосложения претендентка на депутатство компенсировала природной пылкостью и напором. Казалось, потоку ее слов и жестикуляции не будет конца.

В этот раз кроили и по чёрт знает какому разу перекраивали план телевизионной рекламы. Пиар-агентство, нанятое Шереметьевой, отошло от классической схемы с роликами, снятыми заранее. Всё лепили с колес – как серию сюжетов

о встречах с народом. Требовалась максимальная живость и естественность.

– Ирина Павловна, фольклорный праздник – это хорошо. Будет хлеб-соль, потом на вас наденут венок, – ясно и членораздельно, как для детей с задержкой психического развития, объясняла Елена.

Она, как человек из агентства, отвечала за взаимодействие со СМИ. Шереметьева терпела ее за профессиональный подход и хватку, но, кажется, недолюбливала. Олега забавляла такая манера общения с кандидатом, но смешки и даже просто улыбки на совещаниях не приветствовались. Кроме того, у эксцентричной Елены была чудная фамилия: Медовик.

– Я не знаю, хорошо ли это, – передернула плечами Ирина Павловна. – Про меня и так пишут, что одни сплошные вручения.

– Кто пишет?

Оказалось, что сегодня газета, куда в девяносто втором приглашали Лапшина, довольно едко прокомментировала ход кампании. Она вполне резонно отметила тягу принимающей стороны дарить госте то пряники, то бидон молока из-под коровы. Полищук в то же самое время не принимал подношения, а наоборот, материально поддерживал селян.

– Начальники на местах перегибают, хотят вам понравиться, – сказал Игорь Есин, главный аналитик, подтянутый мужчина лет тридцати пяти, с гладко выбритым лицом.

– Мне об этом сообщают посторонние люди, а где наш мониторинг? – возмущенно перебила его Шереметьева. – Газета вышла утром, скоро уже ночь.

Следующие пять минут были потрачены на бурное выяснение и без того очевидного факта, что никто не мог вручить Ирине Павловне обзор свежих публикаций, поскольку она металась со встречи на встречу, а затем пилила полторы сотни километров до города. Ксерокопию заметки пустили по кругу, и Олег увидел под ней подпись Женьки Бакулина.

– Напомните мне завтра с утра, я позвоню вице-губернатору, – велела Ирина Павловна, повернувшись к Юлькиной маме.

– Да, конечно, – невозмутимо ответила та, делая пометку в блокноте.

За два дня, проведенные в окружении кандидата, Олег успел узнать, что вице-губернатор, который курировал выборы, был далеко не всесилен в отношении прессы. Живых денег на прямые вливания отчаянно не хватало, а проявлять лояльность за спасибо мало кто жаждал. Поэтому в доме на площади предпочитали иной путь, суля редакциям налоговые поблажки или какие-то таинственные взаимозачеты. От финансовой премудрости Олег был далек и не совсем понимал, с чем это едят.

По выразительному взгляду Елены он догадался, что распоряжение Шереметьевой пустое. Женькина газета содержала себя сама, не кланяясь властям, и в малопрозрачные схе-

мы по поддержке штанов предпочитала не встречать. Независимый статус позволял ей критиковать разных персон, порой даже включая всенародно избранных. Бакулин, кстати, за минувшие годы дорос до зама главного редактора.

Валентина же Сергеевна, которая обычно за словом в карман не лезла, на штабных совещаниях была сама исполнительность и лаконичность. Ее тактику Олег уяснил быстро: с капризной заказчицей не спорить, выполнять свои обязанности как можно тише и незаметнее.

– Ирина Павловна, предлагаю вернуться к нашей основной повестке, – сказала Елена.

– Завершающая неделя мне категорически не нравится, – перекинула ей мяч Шереметьева.

– Почему?

– Должна быть эффектная точка. Вернее, восклицательный знак! Я его пока не вижу.

«...твою мать», – прочел Олег по губам Кости Сазонова, координатора всей телевизионной активности кандидата. К счастью, Костя сидел на той же стороне стола, что и его подопечная, поэтому она не могла видеть его артикуляцию.

Операторы-монтажеры запарились сильнее прочих сопровождающих и обеспечивающих красивую картинку. Им каждый раз перепадала порция упреков и жалоб лично от Ирины Павловны на то, что она выглядит не по летам старой и страшной. Об этом Олегу поведала Елена во время общения в курилке. Равнодушный к никотину, он с умыслом составил

ей компанию, дабы сойтись поближе – конечно, в служебном смысле. О чем-то другом ему в тот момент не думалось.

По мнению Олега, Шереметьева здорово сгустила краски: для своих сорока девяти она была в завидном порядке, а ее отдельные морщины скрывали мастерски налагаемые румяна. С кандидатом ездила специально обученная помощница, таскавшая сумку-сундучок с набором причиндалов. До окончания необходимых процедур камеру не включали.

– Опасный возраст, – подытожила Елена.

– Чем? – брякнул Олег и тут же понял, что сморозил глупость.

– Период такой, называется «Здравствуй, климакс». В числе признаков – повышенная нервозность.

– Все клиенты такие... нервные?

Стриженная москвичка обдала его сигаретным дымом.

– Каких только нет.

Сейчас чувствовалось, что Ирина Павловна достала каждого.

– Думайте все. Нужен мозговой штурм! – объявила она.

«Действительно, как она не свалилась еще? Какой, на фиг, штурм? – подумал Лапшин. – Начало двенадцатого, домой приползу после полуночи, притом непонятно как».

– Ирина Павловна, вам эти праздники не нравятся? – спросил Костя. – Но там людей много, массовость видна. Движуха.

От молодежного сленга Шереметьева поморщилась.

– Наш конкурент не собирает таких мероприятий, – ввернул Есин.

Реплика от главного аналитика только завела ее.

– У него простое человеческое общение, а у нас мероприятия! Казенно подходим.

– Электорат в селах и малых городах нормально воспринимает такое. Опросы подтверждают...

– Про ваши опросы я ничего не хочу слышать! Слышите: ни-че-го!

Аналитик замолчал, переживая бурю.

– Вы работаете по шаблону! Взяли типовой сценарий и применяете в очередной раз! Нет фантазии, куража! Драйва, как выражается Константин Михайлович!

Модное словечко «драйв» также часто использовал Юлиан. Человек всесторонне образованный, он разбирался не только в классической, но и в современной музыке, а на своем дне рождения недурно солировал.

Олега осенило. Он кашлянул и поднял руку, как в школе.

– Ирина Павловна, разрешите?

– Да, Олег Андреевич.

Кандидат Шереметьева прекрасно помнила имена и отчества всех, с кем контактировала. Это было ее сильное качество.

– Что, если вам спеть?

– В каком смысле?

– Не со сцены, конечно. В клипе, как артисты делают.

Одна бровь у Елены взметнулась вверх. Валентина Сергеевна подняла глаза от блокнота. Главный аналитик уставился на Лапшина, как на редкий образчик неземной фауны.

– В чем клипе?

– В своем. Снимем музыкальный клип с вами в главной роли – и вперед, в эфир.

Тишину, которая наступила в переговорной, нарушил смех. Презрев негласное правило, смеялась Елена Медовик. Ирина Павловна вопрошающе поглядела на нее, потом на Олега. «Отберут аванс и выгонят в шею? Ибо нечего не в свои сани прыгать?» – успел подумать он.

– Я считаю, идея отличная, – уверенно оценила Елена.

Остальные участники бдения молчали, переваривая услышанное.

– Константин Михайлович, потянем? – подхватила Шереметьева.

Костя на секунду замялся.

– В принципе должны.

– Посчитайте расходную часть и в десять утра ко мне. На сегодня все свободны, – и председательствующая первой встала со стула.

Милиционеры на вахте не удивились позднему уходу штабистов: то был явно не первый случай в кабинете 310. Ирину Павловну с помощницей и главным аналитиком подхватила черная «Волга», другие загрузились в две белые. Широкий в плечах и талии Костя, первым взгромоздившись на заднее

сиденье, вынудил Олега с Еленой довольствоваться крайне малым пространством. В результате ответственная за СМИ оказалась чуть ли не на коленях у Лапшина.

Ехали молча, говорить уже никого не тянуло. Дежурный водитель управлял машиной без рывков и суеты, и Олега начало убаюкивать. Елена, прижатая к нему, казалась разгоряченной, как после ванны, приятно дышала легким запахом табака и ментола. Она пользовалась той же жевательной резинкой, что и Шерхан.

Ее высадили раньше других, на улице Мира. Специалистка из пиар-агентства на прощание фамильярно потрепала историка-писателя за ухо.

– У тебя котелок варит.

Олегу неожиданно понравился ее жест.

Глава седьмая, в которой находится место любви, сельди и лосося

Диалог с Инной Седых давно следовало прервать, но она относилась к типу людей, про которых изобретено выражение: «Пристал, как банный лист». Их знакомство началось примерно так же. Она училась в другой группе, и пути их по-настоящему пересеклись только в аспирантуре. К кафедре истории средних веков отношение на факультете всегда было прохладным. В самом деле, где средневековая Европа с ее величественными замками, дворцами и соборами и где провинциальный российский вуз? Так что специализация Инны, на первый взгляд, выглядела странной.

Однако при внимательном рассмотрении определенная логика в ней обнаруживалась. Коллектив здесь был самым немногочисленным, а заодно возрастным. Так как упразднить предмет никто не собирался, потребность в свежих кадрах даже превосходила таковую на других кафедрах. Защита кандидатской железно гарантировала дальнейший рост и вполне вероятное профессорство. Из-за болезни научного руководителя процедуру перенесли на октябрь, что не мешало Инне уже всю преподавать.

К такому типу девушек Олег был равнодушен. Да, Инна

не блистала красотой, в ее внешности и манерах проскакивало что-то простонародное, крестьянское, но не это сдерживало его. В конце концов, себя он тоже не считал писанным красавцем. Закавыка заключалась в другом: с нею, как и ей подобными, его охватывала скука. Слишком она казалась предсказуемой и правильной – прямой, как указка. В школе Седых, видимо, добивалась всего зубрежкой, ту же методику применила и в университете. Учеба была для нее скорее тяжким трудом с осознанием его тягот, нежели чем-то приятным и радостным.

«Так и будет окучивать свою грядку», – подумал он, обнаружив ее среди будущих аспирантов. Причем иного отношения к учебе Инна не знала вовсе и, кажется, не подозревала, что оно может существовать. Жила себе в той системе координат, которая была задана еще с детства. А то и с младенчества.

– Я слышала, Калачев тебя хвалил, – сказала она.

– Он никого за глаза не ругает, хоть и суровый на вид, – махнул рукой Лапшин.

– Скромничаешь.

– Мои лучшие годы позади, слабею рассудком.

– Ой, не надо. Ты мужчина в самом соку, – возразила Инна.

Ее комплименты тоже не отличались оригинальностью.

– Я не про соки-воды.

– А про что?

Вместо ответа Олег тихонько вздохнул.

– Чего вздыхаешь? Будете с Кошечкиным звёздами на своей кафедре.

– Пленительного счастья.

– В каком смысле?

Фильм про декабристов Инна, наверное, всё-таки смотрела, но забыла.

– Ни в каком, забудь.

Инициативу проявила она, вытащив его подышать. Случилось это ранней, еще теплой осенью. Они довольно долго бродили по парку за главным корпусом университета, наступая на желтые и бурые, уже опавшие листья. Разговор клеился плоховато, будто через силу. Потом спустились к домам частного сектора – на площадку, откуда была видна панорама реки с островами на ней и противоположным берегом.

Инна развивала свою очередную мысль, что, защитившись, следует без раскачки браться за докторскую, а к нему внезапно пришло осознание того, что она тоже придерживается Большого плана. И ее план почти не отличается от его, разница лишь в мелких деталях. Почему-то стало неприятно. Это ощущение словно перенеслось на, в сущности, ни в чем не повинную девушку.

Когда повисла долгая пауза, которая по законам жанра должна была завершиться чем-нибудь романтическим, Олег сухо сказал, что ему пора в читальный зал. Обратились в тишине. Впрочем, Инна не затаила обиду. Как-то раз впо-

следствии они выбрались на «Однажды в Америке». Шедевр Голливуда на нее совсем не подействовал – он же, наоборот, выйдя на свет, предался размышлениям о судьбах героев. Даже адски твердые откидные сиденья в кинотеатре не повлияли на восприятие.

– Грязь какая-то, – пренебрежительно отозвалась она об увиденном.

Инна, пожалуй, понравилась бы его родителям. Они не раз повторяли, что сами являются интеллигенцией в первом колене...

– Ты в каких облаках витаешь? Вообще не слушаешь.

Ее грубоватый голос оторвал Олега от воспоминаний.

– В каких? Да всё в тех же.

– Кончай волноваться. Не мы первые, не мы последние.

Станешь кандидатом, – по-своему обнадежила Инна.

На любовном фронте всё могло сложиться по-другому. Если бы... Ах, это вечное сочетание слова «если» с частицей из двух букв! Олег время от времени задумывался о том, какой была бы его жизнь при сложившихся по-другому обстоятельствах. Одним из моментов, когда обстоятельства могли сложиться иначе, стал роман с Викой.

Впрочем, называть полноценным романом то, что между ними произошло, пожалуй, не имело смысла. Они четыре года ходили на одни и те же семинары в составе одной и той же группы, а по-настоящему познакомились только при обмывании диплома. Коллективное мероприятие состоялось

на квартире у Вики. В трех ее комнатах гуляли до утра.

Вика Воробьева была тихой и спокойной блондинкой, стройной и миниатюрной, с идеально белой кожей и голубыми глазами. Она никогда не повышала голос, а если сердилась или волновалась, ее аккуратные ушки начинали трогательно розоветь. К занятиям Вика стабильно готовилась, не проводя различий между основными и вспомогательными дисциплинами, однако не проявляла избыточного рвения в ходе самого процесса, не тянула руку и не лезла под нос преподавателям.

В отличницы она не выбилась и не имела такой цели. Об аспирантуре точно не помышляла. После университета планировала поработать офис-менеджером в торговом доме, для чего собиралась окончить компьютерные курсы. С торговым домом сотрудничала фирма, открытая ее родителями и занимавшаяся поставками продуктов питания. Родители жили в Мурманске, вблизи от границы с Норвегией, что облегчало взаимовыгодные сношения с этой страной.

Когда Лапшин вызвался пойти с ней на кухню, дабы помочь смешать коктейль, этих деликатных подробностей он не знал. О материальном как-то вообще не думалось. Было удивительно легко и весело на душе, силы и желание двигаться дальше прямо-таки переполняли его. Еще один этап на пути к цели остался позади.

Он сам не понял, как растаял, заглянув в ее глаза. «Почему я раньше ничего не замечал?» На очевидный вопрос не

нашлось ответа. Мир вокруг сделался ярким, как праздничная открытка. Олега, подхватило, накрыло с головой и понесло доселе неведомое чувство. Впервые они поцеловались именно там, на кухне, пока за неплотно прикрытой дверью бурлило веселье.

– Я тебя обожаю и никуда не отпущу, – повторял он уже потом, во время их бесконечных прогулок по улицам и переулкам.

– Мой ты сочинитель, – ласково отвечала Вика.

Он рассказал ей о своих прошлых литературных опытах. Казалось, что ей это действительно интересно. Они болтали обо всём на свете, держались за руки и часто обнимались.

Их встречи продлились ровно месяц. Олег успел познакомиться с ее дедушкой и бабушкой, которые жили на другом конце города, и произвел на них весьма благоприятное впечатление. Вика не спешила с полной и окончательной близостью, а он не торопил ее. Был совершенно уверен в том, что всё у них впереди.

Первый предупреждающий звонок прозвенел, когда Лапшин узнал, что ее компьютерные курсы находятся в Мурманске. Слово за слово, и Вика поделилась другими подробностями относительно будущего места работы. Это был, строго говоря, не сам торговый дом, а его филиал, и тоже в городе за Полярным кругом.

– Ты уедешь? – спросил Олег внезапно севшим голосом.

– Понимаешь, здесь нет перспектив, – сказала она.

– А я?

Вика объяснила, что она хочет расти и развиваться, а там для этого есть возможности. Если всё сложится удачно, можно будет продолжить карьеру в Норвегии или Финляндии. Или в Швеции. Она и язык подтянет.

– Шведский? – машинально уточнил он.

– Нет, английский.

В последний раз они увиделись в обществе ее мамы с папой. Родители по делам прилетали в Москву, а потом завернули в их город. Инициатива пригласить Олега на совместный ужин исходила от Вики. Во всяком случае, так говорила она. Позднее он в этом усомнился.

Беседа за накрытым столом протекала вполне мило. Викин папа был еще совсем нестарым мужчиной за сорок, с приятной улыбкой и точно такими же голубыми глазами. Оказалось, что он учился в их университете, только на факультете геологии. Анатолий Петрович тепло, с ноткой ностальгии вспоминал студенческую жизнь.

Мама, Наталья Генриховна, держалась менее демократично. Положа руку на сердце, Олегу она сразу не понравилась. Ее глаза, серые и холодные, изучали его как товар на полке. Когда приступили к десерту, началось то, ради чего и были затеяны смотрины.

– Как думаете дальше жить? – осведомилась Наталья Генриховна.

– Нормально думаю. Аспирантура, потом диссертация.

– Я не об этом. Зарабатывать чем собираетесь?

Олег ступешевался от ее северной прямоты.

– Ну, как... Наверное, как все. Преподавать буду, наукой заниматься.

Викина мама поморщилась, будто в чашечке с вареньем был уксус.

– Большие на вашей кафедре зарплаты?

Похвалиться было явно нечем.

– Может, в коммерческий вуз пойду, там часы возьму.

Один такой вуз, недавно открытый, крикливо зазывал абитуриентов, суля им все блага мира. Он же активно вербовал университетские кадры за повышенные оклады и единовременные выплаты. Название у заведения было претенциозным: «Межотраслевая академия менеджмента, маркетинга и современного образования».

– А бизнесом заняться не хотите?

– Не мое, – как на духу сознался Олег.

– Уверены?

– Да. Покупать-продавать не умею.

– Всему можно научиться, – обронила Наталья Генриховна.

– Если душа лежит.

Она совсем бесцеремонно оглядела его.

– Вика сама решит, что ей надо. Вы же меня понимаете, Олег?

Впервые за вечер Наталья Генриховна обратилась к нему

по имени. Варенье из слив показалось Лапшину безвкусным. Вика молча смотрела на него своими волшебными глазами, в которых застыл то ли вопрос, то ли грусть. Олег допил чай, бережно поставил фарфоровую чашку на блюде и мягко произнес:

– Поздновато уже. Мне пора, а то троллейбусы перестанут ходить.

– Не рано прощаетесь? – двусмысленно спросил Анатолий Петрович.

– Наоборот, вовремя.

Ответ невольюно получился еще двусмысленнее. Он знал день и время отъезда Вики, но не стал провожать ее. В начале ноября из Мурманска пришло письмо. Его потерянная любовь рассказывала про учебу на курсах и погоду на Крайнем Севере, а также упомянула о своем желании навестить бабушку с дедушкой сразу после Нового года.

Сев писать ответ, Олег не сдержался и выплеснул на бумагу много лишних слов о том, что отродясь не посягал ни на чьи квартиры, капиталы, треску, лосося и атлантическую сельдь, и ему, человеку простому, хватит обычной зарплаты согласно тарифной сетке. В заключительных строках он попросил передать сердечный привет Наталье Генриховне.

Это эпистолярное сочинение он перечитал дважды – во второй раз уже перед тем, как заклеить конверт. Ему всё-таки хватило ума или такта не отправлять свое послание. Изорвав его вместе с конвертом и выбросив в помойное ведро,

Лапшин поставил точку в той истории...

– Завтра увидимся, или послезавтра, – пообещал он Инне Седых.

Она скорчила скептическую гримасу.

– Ты куда-то спешишь всю неделю. Подрабатывать взялся?

– Так, дурака валяю.

– Ой, Лапшин...

– Нечего ойкать в реконструктивный период.

– Какой-какой?

Олег рассмеялся и бегом припустил по коридору университета.

Глава восьмая, в которой на передний план выходит сумка-сундучок

– Пять минут отдыхаем, потом еще дубль! – скомандовал Костя.

Главным на площадке был он, и даже сама Шереметьева не спорила с ним.

Как назло, в день съемок воцарилась тропическая жара. Резервной даты не было: Шереметьевой предстоял еще один тур по районам и, кроме того, торопили на главном областном телеканале. Клип следовало сдать на эфир заранее. Олег как автор идеи упросил Сазонова взять его с собой, и тот отвел ему роль ассистента режиссера, то есть себя.

Обязанности были несложными: находиться в постоянной готовности к действию, ждать указаний. Операторы свои задачи знали, ответственный за музыкальное сопровождение тоже. Ирину Павловну, кроме персональной помощницы с сумкой-сундучком, сопровождала Елена. Ей досталась роль походного психотерапевта.

Шереметьева, с утра посетившая вице-губернатора, была на взводе. Возможно, требование оградить ее от нападок не встретило понимания. А, может, подоспели свежие рейтинг-

ги. В штабе шушукались, что их готовит стороннее социологическое агентство – для пущей объективности. Агентов тоже привезли из Москвы. Олег, прикинув сумму расходов на услуги этих достойных людей, начал осознавать, что его гонорар не очень-то велик.

– Сколько можно дублей? Давайте заканчивать, – недовольным тоном проговорила Ирина Павловна, обмахиваясь справкой о районе, куда лежал ее дальнейший путь.

Помощница в это время бережно припудривала ей левую щеку.

– Давайте еще немножечко потерпим, – ласково откликнулась Елена, откупоривая полиэтиленовую баклажку с водой. – Хотите?

– Нет, спасибо.

Елена не стала спорить и налила себе, а заодно Олегу.

– Пей, пока пьется.

Претендентка на избрание не успокаивалась.

– Я чувствую, как у меня начинаются хрипы.

Хрипы в данном случае не имели большого значения. При монтаже весь клип должны были озвучить заново, и пение Шереметьевой на камеру требовалось для правильной артикуляции. Фонограмма уже была записана отдельно. Елена договорилась с местной музыкальной студией – при этом, для экономии средств, Ирине Павловне аккомпанировал ее сотрудник из числа аналитиков. Он когда-то учился в консерватории. Ирина Павловна сочла, что бюджет проекта ве-

ликоват.

– Надо будет отсмотреть всё видео. Я физически не успеваю, займитесь без меня и доложите потом, – продолжала Шереметьева.

Указание она адресовала главному аналитику. Он тоже прибыл на съемочную площадку и плавился в этом пекле. Один из всей команды, Есин остался при костюме и галстукке, даже Олег отступил от своего дресс-кода, сменив офисный на легкие джинсы с футболкой. Поэтому сейчас Игорь балансировал на грани теплового удара.

– Ирина Павловна, не переживайте. Сделаем, как вы сказали.

Шереметьева дернулась, и помощница чуть не уронила кисточку для ресниц.

– Да, Олег Андреевич, задали вы мне задачку, – следующая реплика предназначалась Лапшину.

– Вы уж меня извините, – сконфуженно ответил он.

Олег за неделю, проведенную при особе Ирины Павловны, более-менее разобрался в особенностях взаимодействия с ней. Титулованной даме было принято деликатно подыгрывать, потакая ее мелким капризам. Крупным капризам потакали, видимо, люди позначительнее. Видя, что окружающие безусловно признают ее правоту, Шереметьева слегка смягчалась. Так произошло и на сей раз.

– Ладно, не извиняйтесь, – милостиво молвила она. – Здесь такого не было пока. Всех удивим!

– Однозначно удивим, – поддакнул Есин.

Поначалу скептически воспринявший предложение попеть, он затем переменял свое мнение. Видя, что его подопечную не на шутку завела идея клипа, Игорь шустро подвел под нее обоснование: электорат, мол, тоскует по песням советской юности. Так что произведение для исполнительницы выбирали из соответствующего репертуара.

Предвыборная суета всё больше нравилась Олегу. В свои основные обязанности он погрузился с головой, проявив присущие ему качества – внимание к деталям, последовательность и усидчивость. Систематизация компромата напоминала сбор материала для диссертации. Из нескольких папок, хранившихся у Есина, он методично выбирал самое ценное – то, из чего должен был родиться подметный объект.

– Забабахаем зеркалку, – обозначил их совместную задачу еще один сотрудник столичного агентства Лёша Татаринцов.

– Что забабыхаем? – не понял Лапшин.

– Есть такой специальный термин, – стал объяснять ему новоявленный коллега. – Берешь за основу какую-нибудь популярную газету, лучше даже федеральную, при верстке один в один повторяешь весь дизайн, логотип, вставляешь статейки с картинками оттуда – а плюсом к ним наши забойные мультики. И всё чики-пики. Народ принимает зеркальную копию за оригинал. Успех обеспечен!

– А... закон?

– Тут, конечно, осторожнее надо. Печатать в проверенной

типографии где-нибудь подальше, разносить по ящикам ночью. Но это уже будет не твоя забота.

Гвоздем поддельной газеты планировался фельетон. Объемный, на целую полосу, он решал главную задачу – жестоко высмеять конкурента. По оценке аналитической группы, такой ход стал бы самым эффективным в деле утопления кандидата Полищука. Разумеется, при условии, что текст будет ярким и доказательным. Чтобы усилить впечатление, Лёша готовил фотоколлаж.

– Чернуха – это всегда прикольно, – с удовольствием приговаривал он, водя мышью своего компьютера. – Слышал, как на Сахалине пошумели в прошлом году?

– Вы пошумели?

– Ну, а кто еще?

– Я был далек от этого, – сказал Олег.

– Был далек, а теперь близко. Держись увереннее, в нашем ремесле по-другому не выживают.

– Да я ненадолго у вас.

– Не загадывай наперед, – посоветовал Татаринов, отпив из горлышка бутылки с этикеткой «Тархун».

На его узком, чуть вытянутом лице с мелкими чертами отобразилось блаженство. Разговор происходил в большом помещении кабинета 310, где никакие излишества не одобрялись. Но у Олега имелось подозрение, что в бутылку с ядовито-зеленой жидкостью Лёша добавил кое-что свое.

– До агентства я в банке работал, – с чувством произнес

посоловевший специалист. – Бабок на рекламу давали завались. Можно было не париться и креативом заниматься.

– В каком банке?

– «Империал». Ролики видел про всемирную историю?

– Конечно.

– Я делал.

Лапшин посмотрел на Татарина со смесью уважения и недоверия во взгляде. Тот, очевидно, что-то почувствовал и поправился:

– Не я один, естественно...

Константин допил свою порцию воды, выдохнул и крикнул:

– Перекур окончен!

Спустя еще минуту, после его отмашки, из колонок полилась музыка, операторы прильнули к камерам, а Ирина Павловна, выплыв на исходную позицию, приосанилась и запела:

*– Гляжу в озера синие,
В полях ромашки рву,
Зову тебя Россиею,
Единственной зову...*

Поле сельскохозяйственного техникума на окраине города пришлось очень кстати для съемок. Шереметьева брела по пояс в колосьях так, чтобы в кадр не попадали стоящие поблизости коттеджи «новых русских». Сторож полу-

чил небольшую мзду наличными, поэтому не мешал клипмейкерам.

Глава девятая, в которой подчеркивается важность классового подхода

– Тебя на кафедре нагружают? – спросила мама за общим ужином.

– Товарищ обратился, неудобно отказать, – расплывчато ответил Олег, в общем, не особо греша против истины.

– Может, ну его, твоего товарища? Сейчас только защитой заниматься надо.

– Да, может, лучше не разбрасываться? – поддержал маму отец. – Ты объясни, человек поймет.

– Я уже пообещал.

Мама неодобрительно покачала головой.

– Другие делают, что им выгодно, а ты обещаешь и потом отказать не можешь.

Олегу было крайне неловко. В то же время он понимал, что правда о его упражнениях в избирательном штабе вызовет грандиозный скандал. Вчера, пока шел монтаж клипа, он собирал недостающую информацию о поездках Полищука. Для этого ему пришлось предстать перед собранием из трехсот человек.

Собрание состояло из депутатов сельсоветов, работников

социальных служб и служащих районных администраций. Их свезли в дом с голубыми елями у фасада, по официальной версии, для учебы. На деле перед ними выступил вице-губернатор, который доходчиво донес до всех и каждого, что Ирина Павловна Шереметьева – оптимальный кандидат для области.

Под нее, по его словам, могли дать денег из федерального бюджета, а под других – категорически нет. «Я вас ни к чему не понуждаю. Думайте сами!» – зычно провозгласил он с трибуны, после чего уступил место на ней главному аналитику штаба. Игорь Есин в культурной манере поведал о том, что люди на местах всегда лучше знают обстановку, а значит, им и карты в руки. Далее он представил присутствующим Олега, назвав его коротко «наш сотрудник», и тоже покинул трибуну.

Перед такой многочисленной аудиторией Лапшину стоять никогда не доводилось. К тому же в зале сидели далеко не школьники или студенты. Как обращаться к ним, он так и не придумал, пока занимал освободившееся место и поправлял микрофон.

– Друзья, нужна ваша помощь, – сказал он наконец.

По рядам гостей прошелестел шепоток. Друзьями их, кажется, здесь величали редко.

– Я не был у вас ни разу, и сейчас уже поздновато что-то исправлять. Но вы наверняка видели, как ездит по районам Полищук, в каком стиле общается с избирателями, что

обычно говорит, как держится, кто с ним рядом. Нам важна любая мелочь. Вспомните, пожалуйста. У кого есть что рассказать, поднимайте руку, – Олег открыл лежавшую перед ним папку с зажимом и нажал кнопку диктофона.

Диктофон ему выдали в кабинете 310. Там же, на время, закрепили за ним компьютер, пользоваться которым он едва умел. Дома у Олега умной техники не было, на кафедре и подавно. Во студенчестве условия для обучения тоже отсутствовали, поэтому усвоить кое-какие азы удалось уже в аспирантуре. Хотя и там всё свелось к чтению популярной брошюры и паре часов неформальных занятий с лаборанткой Ларисой из деканата, в обмен на шоколадку с орехами. Лапшин толком сам не знал, когда и где это сможет пригодиться ему, а теперь мысленно благодарил себя и отзывчивую Ларису.

На призыв делиться впечатлениями зал сперва реагировал сдержанно. Вначале руку подняла женщина из первого ряда, чем-то похожая на Инну Седых.

– С ним охрана ездит. Стриженные такие ребята, в пиджаках постоянно, и в жару не снимают, – сказала она. – Вам зачем это нужно?

Олег улыбнулся своей самой широкой улыбкой.

– Знаете, обманывать не буду, а говорить не имею права.

Несколько человек засмеялись, холодок отчуждения пропал. Лапшин, не любивший публичных выступлений и, как правило, чувствовавший себя скованно перед аудиторией,

вдруг понял, что способен устанавливать связь с незнакомыми людьми.

– Наши видели, как он печатку с пальца снимал, когда в ДК заходил, – подхватил эстафету мужчина с усами, как у наркома Ворошилова. – Прятал свое богатство как бы.

– В соседнем селе был слух, что он на джипе катается, а в «Волгу» уже садится на подъезде, рядом с селом. За что купил, за то продаю. Правда или нет, не знаю, – присовокупил другой мужчина, без особых примет.

Дополнительной информации, которой накидали Олегу, хватило бы не на один фельетон...

– Про будущую работу молчит твой шеф? – спросила мама.

– Шеф?

Олег поймал себя на мысли, что это слово не вызвало у него быстрой ассоциации с профессором Калачевым.

– А, Иван Трофимович... Нет, ни слова от него, – поспешно добавил он.

Калачева соискатель ученой степени в последний раз видел больше недели назад, на выходе из главного корпуса. Тот был не один, а с другим профессором их кафедры, Василием Афанасьевичем Юнцовым. Человек по-своему уникальный, Юнцов пережил несколько эпох. Он родился и вырос в Сибири, там же, в год заключения пакта Молотова-Риббентропа, поступил на истфак. Служил в армии на границе с Маньчжурией, доучивался уже после войны. Сюда попал по рас-

пределению и остался насовсем. Здесь же преодолел все карьерные ступени.

Как и Юлька Кошечкин, он взял себе тему из времен грозного царя. Дипломную работу защитил на ура, подчеркнув прогрессивную роль войска опричников. Когда засел за кандидатскую, повеяли другие ветры. Деяния Ивана Васильевича стали удостаиваться менее комплиментарных оценок, и то был явно не конец. Мэтры советской науки скрещивали копья ради установления истины, а Юнцов, уже перелопативший вороха летописей, грамот, синодиков и прочих источников, ради пущей надежности сменил предмет изучения.

С тех пор Василий Афанасьевич, шаг за шагом, приобрел репутацию знатока всех, вплоть до самых мелких, подробностей пугачевского бунта. Отношение к этому событию, благодаря классовому подходу, не менялось более четверти века. Устойчивым было и положение кандидата, а позднее доктора наук Юнцова. До заведования он не поднялся, не очень-то к нему и стремясь, зато регулярно заседал в приемной комиссии. Дал путевку в жизнь множеству молодых кадров и стал автором трех монографий, включая коллективную. В начале восьмидесятых из-под пера Василия Афанасьевича в развитие темы вышла книжка «Пушкин как биограф Пугачева».

После нее он уже ничего не публиковал и оставался на кафедре как живой памятник славного прошлого. Юнцов был человеком незлобивым, без тени высокомерия и спеси. Об-

щался с каждым, независимо от статуса или возраста, доброжелательно. Никуда не спешил, не повышал голос и не суетился. Без него, пережившего всех корифеев минувшего поколения, факультет уже казался каким-то не таким. Нагрузка профессору выпадала символическая, поэтому в кругу коллег он в последние годы появлялся редко.

– О! Студент Лапшин, – блеснул памятью Василий Афанасьевич.

Его гладкое, почти без морщин, лицо озарила лукавая улыбка.

– Без пяти минут кандидат, – поправил его Калачев.

– Помню, помню. Доклад про Александра Второго.

– Третьего, – поправил Олег.

– Вы молодец, – четко, ясно, с расстановкой, проговаривая все гласные и согласные, прокомментировал Юнцов.

Олег почтительно склонил голову. Седовласый профессор в костюме-тройке и образцово повязанном галстуке еще раз улыбнулся.

– Готовитесь? – сурово спросил у Олега завкафедрой.

– Да, Иван Трофимович.

– Хорошо.

Калачев отрывисто кивнул Лапшину. Этот кивок одновременно явился прощанием, поскольку Иван Трофимович бережно тронул Василия Афанасьевича за локоток, и они вместе проследовали дальше в вестибюль с громадными окнами, именуемый в просторечии аквариумом. Студенты и студент-

ки истфака почтительно приветствовали Юнцова. В давнюю пору он был научным руководителем аспиранта Калачева и, кроме того, имел успех у противоположного пола.

Лапшин смотрел им вслед через стекло, пока оба не скрылись из вида. Большой план Василия Афанасьевича был, хотя не без проблем в начальной стадии, выполнен. «Юльке проще. Даже цитат основоположников сейчас никто не требует», – подумал Олег...

Между тем, импровизированный семейный совет продолжался.

– Ты какой-то рассеянный, – сказал Андрей Викторович.

– У тебя ничего не болит? – с тревогой спросила мама.

– Нет, всё в порядке.

Прозвучало не слишком убедительно.

– После защиты надо будет отдохнуть.

На мамины слова Олег ответил усмешкой.

– Не заработал пока на отдых. Дорого нынче.

– Мы тебе оплатим.

– Да сколько можно оплачивать?

Он почувствовал, что заводится. Сознательная ставка только на учебу привела к тому, что мизерная аспирантская стипендия всё это время была его единственным доходом. Конечно, на широкую ногу Олег никогда не жил и, в общем, не собирался, так как его потребности были довольно скромными. Тем не менее, зависимость от родителей опротивела.

– Успеешь заработать, – заметил отец, – мы у тебя не веч-

ные.

Олегу стало стыдно за свой выплеск.

– Простите. Нервничаю сильно.

– Я позвоню в профсоюз, – решительно заявила мама.

– Там дешевле, что ли?

– Может быть.

С профсоюзным санаторием имени Луначарского у него был связан еще один романтический эпизод из жизни. Когда Олег поступил на истфак, наградой ему стал индивидуальный тур на кавказское побережье. Раньше он в одиночку никуда не ездил. В отсутствие мамы с папой там, под знойным солнцем, произошло его, если можно так выразиться, боевое крещение.

Кульминация случилась, правда, при свете луны, в дощатой пляжной кабинке для переодевания. Невинности он лишился благодаря девушке по имени Надя. Она была на год старше Олега и, окончив училище, работала кассиром в гастрономе. Надя первой заговорила с ним в столовой, зазвала на позднее купание и, после откровенных ласк прямо в воде, отдалась новому знакомому.

Ни в какие отношения эта близость не вылилась, да и вряд ли могла. Мимолетная подружка укатила обратно в свой Могилев, а Лапшин, воротясь домой, переключился на учебу. Такими же мимолетными, без продолжения, были его редкие половые связи в последующие годы. «Ничего, тут каждое лето пополнение», – иронизировал насчет личной жизни

Кошечкин, имея в виду родной факультет. Впрочем, он тоже не расплылся, бросая основные силы на решение научных задач.

– Спасибо, – сказал Олег, вставая из-за стола. – Пойду почитаю.

Глава десятая, в которой внезапно появляется арабский след

– Зачитался? Заучился? Своих перестал узнавать?

Женька Бакулин возник перед ним, как из-под земли, заставив Олега вздрогнуть. Минуту назад он покинул дом рядом с голубыми елями, чтобы наконец попасть в парикмахерскую. Свободного времени, как и выходных, у него по причине штабной суеты больше не было, а прическу надлежало привести в порядок. Елена, в чьем подчинении он находился, дала добро: «Беги, я прикрою».

– Привет! – обрадовался Олег.

Женьке он, несмотря ни на что, был благодарен за то предложение и, вообще, не видел его ужасно давно и соскучился.

– Откуда путь держишь? Чем занят?

– Так, мелкие шабашки, – сказал Лапшин.

О работе на Ирину Павловну по понятным причинам говорить было нельзя.

– А давай в одно местечко заныряем.

– Времени маловато.

– Его никогда много не будет. Дуй за мной!

Одним местечком оказалась рюмочная за углом соседне-

го здания. На удивление чистенькая, опрятная, без характерных запахов такого рода заведений, она была почти пуста. Кроме них, в углу тихо переговаривались двое дедков совершенно пристойной наружности.

– Тут закуска, между прочим, тоже нормальная. Бомжей и алкашей не бывает, из администрации люди ходят, – сообщил Женька.

– Вице-губернаторы?

– Эти обедают в ресторане «Бубенцы».

– Никогда не посещал.

– Я тоже.

– Мало платят в независимой газете? – спросил Олег.

Вышло так, будто хотел уесть приятеля, но тот не обиделся.

– Раньше платили побольше. Или мне поменьше требовалось.

– Слышал, ты женился.

– Уже развелся, – уточнил Бакулин.

Себе он заказал две большие рюмки, а Олегу, по его настоятельной просьбе, маленькую стопку. На закуску взяли порцию соленых огурчиков.

– Всё там же, на кафедре? – поинтересовался Женька, выпив до дна первую рюмку и плотоядно крякнув.

– Да, защита скоро.

– Мои поздравления.

– Глумишься?

– Даже не думал. У тебя цель, ты к ней двигался.

С тех пор, как состоялась памятная беседа на лестничной площадке, Баулин заметно изменился. Подстригался он, судя по длине волос, гораздо реже Олега, отпустил бороду, за которой не слишком тщательно ухаживал, и одет был тоже небрежно – в мятый джинсовый костюм из грубой ткани и белую футболку не первой свежести. Только сумка через плечо была у него модная, кожаная.

– Что творишь? – задал вопрос Олег, пригубив свою стопку.

Глаза у Женьки, прежде мутноватые, ожили.

– Э, дорогой, я такое творю, что мало никому не покажется.

– Сенсация?

– Еще какая! Может, в Москву продадим.

Лапшин, хоть и не был журналистом, усомнился в услышанном.

– Нужны вы Москве... Там миллиарды пилят, триллионы.

Женька хрустнул огурцом, потом вытер руку бумажной салфеткой и запустил ее в сумку.

– Смотри! – тряхнул он перед носом у Лапшина кипой бумаг. – Полный расклад по госпоже Шереметьевой. Знаешь такую?

При всей нелюбви к прямому вранью Олег понял, что от него не уйти. Но зам главного редактора сам ответил на свой вопрос.

– Да откуда тебе ее знать. Шереметьева – дамочка из столицы с кучей должностей и званий. Идет в Госдуму от нас. Естественно, при поддержке первых лиц области.

– Миллионерша?

– Ха! Я тоже так думал сначала.

– А потом?

– Потом подсобили добрые самаритяне, подкинули информацию, – сказал Бакулин с довольным лицом и опрокинул в себя вторую рюмку.

– Какую информацию?

– Миллионы там точно есть, причем не рублей. Но не ее. Шереметьева руководит группой компаний номинально.

– Подумаешь, велика сенсация, – допив стопку, сказал Олег.

– Сенсация заключается в том, кто здесь, говоря юридическим языком, выгодоприобретатель.

– И кто?

Женька от избытка чувств аж погладил свою сумку, словно кота или другое домашнее животное.

– О таком деятеле, как Карим Ахмед, ты тоже ничего не слышал?

– Вроде нет... Постой-ка. Палестина?

Из глубин зрительной памяти Олега всплыла листовка, которую ему всучили, кажется, весной девяносто третьего, когда на площади голосил очередной митинг под красными флагами, а он пробегал мимо. В листовке содержались от-

борные проклятия в адрес сионистов и тех, кто пляшет под их дудку. Карим Ахмед был представлен там как лидер какого-то комитета за освобождение Иерусалима.

– Он из Ирака. Очень богатый человек, дружит с одним из сыновей Саддама, дает денег разным группировкам на Ближнем Востоке, – пояснил Бакулин.

– А в России что забыл?

– В России он владеет массой всего – от недвижимости в Москве до заводов в регионах. Его крышуют генералы из спецслужб. Понятно, что они в доле.

От таких новостей Олегу стало не по себе.

– Допустим. Но на кой чёрт ему Ирина Павловна в роли депутата?

Назвав Шереметьеву по имени-отчеству, он сообразил, что ведет себя крайне подозрительно, но Женька уже увлекся и не обратил внимания на прокол.

– «Фосфат-Синтез».

Лапшин по-прежнему не схватывал главное, и Женька по-быстрому разжевал суть.

– На территории ее округа есть комбинат «Фосфат-Синтез», выпускает минеральные удобрения. Крайне полезный и ценный товар, незаменимый в своем роде. Половину акций предприятия покупает компания Ахмеда – разумеется, через офшор. Избрание Шереметьевой, скажем так, послужит политической гарантией сделки.

Вторая стопка, а то и большая рюмка сейчас явно не поме-

шали бы. Олег медленно дожевал огурец, избегая смотреть Женьке в глаза.

– У кого вторая половина?

Женька перед тем, как ответить, обернулся и оглядел рюмочную. Двое дедков расплатились и ушли прочь. Продавщица протирала посуду, не прислушиваясь к посетителям.

– Там тоже прокладка. По документам, офис в Питере, а собственник на Барбадосе.

– Где-где?

– В Карибском море. Учил географию?

– То есть, фамилий не знаешь?

– Почему? Знаю, – Женьку распирало от осведомленности. – Реальные хозяева – наш губернатор и его ближние замы, по экономике и инвестициям. Старинные кореша, с комсомола.

Лапшину захотелось спросить, кто же тогда стоит за Полищук, но в таком случае он выдал бы себя с головой. Пришлось зайти с другого бока.

– Откуда тебе такую информацию носят?

– Прости, дал клятву молчать. Но, сам понимаешь, и в спецслужбах не все за Ахмеда.

– Твоя газета об этом напишет?

– Всё уже написано. В четверг – в печать, в пятницу – в массы. Закажем дополнительный тираж. За неделю от рейтинга Шереметьевой ничего не останется, – откровенно поделился редакционными планами Бакулин.

Перед этим он не утерпел и, удалив из бороды остатки тополиного пуха, оприходовал третью рюмку.

– Не опасаетесь последствий?

Женька беззаботно махнул рукой.

– Нам тоже кушать надо. Независимостью сыт не будешь.

После четвертой рюмки он принялся многословно рассуждать про многогранную деятельность Ахмеда, раскрывая его связи с российскими национал-патриотическими партиями, движениями и другими структурами. Лапшин слушал в пол-уха, пока не был упомянут общий знакомый.

– Кто-кто?

– Фирма этого араба открыла на паях фонд в нашем городе, – начал по второму кругу Бакулин. – Погоди, дай название вспомню, кондовое такое... А, «Возрождение духовности». Исполнительный директор – Кошечкина. Я сразу Юльку вспомнил. Может, родственница?

В отличие от Лапшина, Женька не был вхож в дом к Юлиану и не знал маму однокурсника.

Распрощавшись с ним, Олег для отвода глаз обошел квартал по кругу и лишь потом вернулся в кабинет 310. «Полищук за тираж платит, к бабке не ходи. Еще сверху накинёт принципиальной прессе. Так-то, Женечка, могли бы сейчас вместе разоблачениями заниматься», – думал он, выйдя из лифта и отворяя дверь в тамбур.

– Что-то не вижу разницы, – недоверчиво сказала Елена по поводу его прически.

– Очередь была огромная. Постоял и плюнул.

– Днем во вторник очередь?

– Так совпало.

Чтобы пройти к компьютеру, он должен был миновать ее.

Уловив что-то не то в словах Олега, ответственная за СМИ как бы случайно сделала шаг вперед, и он снова почувствовал запах жевательной резинки с табаком. А она при всех опять взяла его за ухо и прошептала:

– Кончай бухать в одно рыло.

Глава одиннадцатая, в которой многое решает самбука

Кандидат Вспомощук с наслаждением переоделся в лесополосе, куда свернул его кортеж. Стащил с себя дешевые брюки, взятые на вещевом рынке, такую же рубашу и пиджак из комиссионки. Охранник с квадратной головой, бритой под ноль, помог боссу облачиться в привычный наряд от Armani. Другой охранник, с круглой башкой, но квадратным туловищем, достал из борсетки перстень-печатку с настоящим рубином и золотую цепь такой толщины, что на ней можно было держать слона. Перстень занял свое законное место на пальце, а цепь – на шее Вспомощука.

Помощник-живчик, ходивший с кандидатом в народ, уже открыл мини-бар, возимый в джипе, и приготовил стакан виски со льдом. Тут же, на серебряном подносе, были разложены бутерброды с красной икрой.

– Ну, за победу! – поднял тост авторитетный предприниматель.

Выпил до дна и смачно закусил. Телохранители и помощник внимали ему, глотая слюну.

– Что там с гуманитаркой? – повелительно спросил Вспомощук.

– Конфеты просроченные, мука с плесенью, сахар червивый, – стал торопливо перечислять помощник.

– Я не о том, в натуре. Хватит на село или пусть еще везут с базы?

В бегающих глазках помощника отразился ужас. За неверный ответ хозяин мог двинуть кулачищем в лоб. Как выразился Вспомощук, сыграть в бубен...

– Я даже представил себе эту сцену. Будто со мной произошло.

Услышав оценку, высказанную Лёшей Татариновым, Лапшин чуть не прыснул. Помощника вымышленного кандидата он писал с него.

– Фельетон что надо, – присоединился к Лёше мастер телевизионных дел Костя.

Для Олега важнее было мнение Елены. Она пока молчала, но в ее прищуренных зеленых очах плясали черти. Главный аналитик читал свою копию без спешки, вдумчиво, как очередную таблицу с цифрами. Лапшину мерещилось, что Есин относится к нему с легким пренебрежением, сверху вниз. «Если наедет, поспорю», – решил он.

– Это – ваш дебют в нашей профессии?

Олег напрягся.

– В вашей да.

– У вас есть будущее.

Скупая похвала из уст Игоря была такой неожиданной,

что Олег немного растерялся. Лёша из-за могучей спины главного аналитика показал ему большой палец.

– А теперь я скажу, – подала голос Елена. – Татаринов, не запори, когда верстать будешь. Понял? Коллаж твой готов?

– Обижаешь, начальница, – притворно оскорбился специалист.

Атмосфера в переговорной мигом разрядилась: во всяком случае, по ощущениям Олега. Штабисты загрели стульями. Елена собрала все копии в отдельную папку и подошла вплотную к Лапшину. «Взяла ведь манеру», – успел подумать он.

– Поскольку дражайшая Ирина Павловна до утра задержится в районе, у нас, сударь, объявляется вечер отдыха. Явка – обязательная, – сказала она ему прямо в лицо.

Собрались настолько быстро, что Олег не успел и глазом моргнуть. До ночного клуба «Пеликан» их домчали прикрепленные к штабу «Волги». У этого злачного места была репутация самого дорогого в городе. Занимая весь двенадцатый этаж гостиницы «Братислава», былого символа советско-чехословацкой дружбы, оно предлагало посетителям еще и панорамный вид на центр. А клиенты VIP-класса имели даже доступ на крышу, где летом открывалась площадка со столиками. Об этом Лапшин знал исключительно понаслышке. К увеселениям такого рода он не тяготел, к тому же уровень доходов не позволял шиковать.

Крыша уже была занята кем-то из бизнес-сословия, так

что штабисты расположились в зоне повышенной комфортности основного зала. Музыка гремела вовсю, заставляя кричать, чтобы услышал ближайший сосед. По правую руку от Олега, у выхода на танцпол, устроилась Елена, по левую – молчаливая, ростом по плечо ему, девушка Изольда. За всё время, проведенное Олегом в кабинете 310, она произносила только «Привет» и «Пока». Изольда ассистировала Косте Сазонову.

– Самбуку будешь? – прокричала Елена, касаясь губами его уха.

О самбуке Лапшин имел сугубо теоретическое представление, но, чтобы не выглядеть совсем уж деревенским валенком, энергично закивал. И понеслось...

Валентина Сергеевна пропала куда-то раньше, по пути из кабинета к машинам. Остальные коллеги гудели так, что все его прежние посиделки где бы то ни было показались Олегу сущим пустяком. Огненное пойло по неаполитанскому рецепту живо привело москвичей в состояние возбуждения. В пляс пустился даже Игорь Есин со своим аналитическим складом ума и солидными манерами, а про остальных и говорить нечего.

Костя с удивительной для его комплекции ловкостью выделял что-то разухабистое в стиле «Скакал казак через долину». Изольда распустила длинные, по пояс, волосы, вечно собранные хвостом, и бешено вращала головой. Лёша приударил по брейк-дансу, в котором знал толк. Самбука на пу-

стой желудок ощутило накрыла Олега, и он попытался отсидеться, но тщетно.

Елена с неженской силой ухватила его за рукав и потащила за собой.

– Я тебе сольюсь! – угрожающе заорала она сквозь гам и грохот.

Он скорее угадал, что имелось в виду, и возразить не отважился.

Затем всё завертелось, как на карусели. Пили еще и еще, снова плясали под русские и англоязычные хиты, жадно ели принесенные официанткой шашлыки и салаты. Самбуку сменил кубинский ром. Главное достоинство клуба «Пеликан» заключалось в том, что продолжить совещание здесь было абсолютно невозможно. Только угар, только отрыв...

Сколько длился их отдых, Лапшин толком не понял. Да и не захотел понимать. Под проблески разноцветных фонарей зал улюлюкал и бешено аплодировал Елене, которая, вскочив на барную стойку, отжигала на грани стриптиза. Рубашка на ней едва держалась на одной пуговке.

– Дьявол девка!

То, кажется, были слова Татаринова, пьяного в дым.

Кто платил за гулянку, Олег не разобрался. Будучи немногим трезвее Лёши, он малость очухался уже в такси. На заднем сиденье рядом с ним была одна Елена, а спереди только водитель. В затемненном салоне, как и в клубе, звучал новейший шлягер «Мальчик хочет в Тамбов», и Лапшин без

церемоний стал целовать девушку.

Она ответила ему тоже без всякой стыдливости. Поцелуи попеременно с объятиями и ощупываниями продолжились у подъезда на улице Мира, потом на лестнице и в прихожей, где они так и не зажгли свет. Он рвал с нее рубашку и брюки и то, что было под брюками, она в самый решительный момент громко охнула и обхватила его ногами. Всё произошло без единого слова.

– Изнасиловал меня, да? – ласково спросила Елена после соития, закудив прямо в постели.

– Чуть-чуть, – развязно ответил Олег.

Настрой у него теперь был какой-то разбойничий.

– Легко отделаться хочешь?

– В смысле?

– Сейчас я за тебя примусь.

Такого секса у него еще ни с кем не было. Олег смутно предполагал что-то подобное, но на практике ответственная за СМИ просто потрясла его своей развратностью и ненасытностью. Вдобавок она стонала, вскрикивала и сыпала словечками, от которых его в обычной обстановке вогнало бы в краску.

Наконец, когда он лишился всех и всяческих сил, Елена откинулась на подушку и насмешливо, как обычно, сказала:

– Потенциал в тебе есть, но технику оттачивать надо.

– Бери на буксир, – пошутил он.

Голая дьяволица провела пятерней по его животу.

– Я подумаю.

У Олега по телу побежали мурашки.

– Спрошу, пока думаешь. Можно?

– Валяй.

– Помнишь первое впечатление?

– От тебя?

– Да.

Она потянулась, даже не собираясь прикрываться простыней.

– Если честно, решила, что по благу подогнали. В довесок.

– А как же тогда...

Елена любимым жестом взяла его за ухо.

– Нравятся мне мужчины в костюмах, и всё тут.

– Я серьезно.

– Не пытайся ответить на все вопросы в этой жизни.

– Но теперь-то мнение другое?

– Конечно, другое.

Олег помолчал немного и снова спросил:

– Татаринцов правда делал ролики для «Империала»?

– Что-что?

После его объяснения Елена залилась хохотом, который, наверное, слышали в соседних квартирах.

– Лёшка – балабол и фантазер. Одно слово, креативщик!

– И в банке никогда не работал?

– В банке работал, но помельче.

– А ты кем раньше была?

– Кем только не была... Я по образованию архитектор, но мест много сменила.

– Например?

Лапшину интересовало всё, связанное с ней.

– В «СПИД-Инфо» полгода кувыркалась бильд-редактором.

– Кем?

– Иллюстрации подбирала.

«Вот откуда у нее такая техника», – догадался он.

– Другие коллеги тоже из журналистики пришли?

– Нет, совсем не обязательно. Лёшка на химика учился, Изольда – инженер. Из наших один Костя был режиссером новостей в «Останкино».

– И Есин не журналист?

– Он бывший военный.

– Военный? – изумился Олег.

– В Генштабе служил. Тоже анализировал, – пояснила Елена.

Следующую паузу в полночном разговоре Лапшин потратил на размышления о превратностях судьбы.

– Давно этим занимаешься?

– Выборами? С девяносто третьего. Вели тогда пару коней по Москве, тоже в Госдуму.

– Коней?

– Кандидатов на профессиональном жаргоне, – Елена ухмыльнулась.

Он как раз, после романа с Викой, поступал в аспирантуру. Расстрел «Белого дома», закрытие и открытие оппозиционных газет, скоротечная и суматошная предвыборная кампания, чужие страсти, боль и ненависть – всё это пронеслось мимо Лапшина, будто кадры остросюжетного фильма при перемотке кассеты на видеомагнитофоне. Экзамены, консультации, занятия, бесконечные страницы выписок из книг и документов с «ятями» и «ерами», потом снова – консультации, занятия, экзамены... Только в них он был погружен, только ими занимался. Двадцать восемь лет прожито, а что дальше?

Где-то внутри словно отказал предохранитель, и Олега прорвало. Он выложил Елене всё-всё про Большой план и свои бесконечные усилия по его воплощению. Упомянул про сомнения, которые навязчиво лезли в голову, не давая покоя. Елена сочувственно хмыкнула.

– Да, тяжело так. Я больше другим планом баловалась, но это не из твоей оперы.

Третья пауза выдалась дольше предыдущих.

– У тебя фамилия необычная, – сказал Олег, чтобы не молчать.

– Бабушка говорила про какие-то еврейско-белорусские корни. Точно не знаю, недосуг было изучать, – ответила Елена.

Внезапно вспомнилась Надя из Могилева и кабинка на пляже.

– Ты ведь коренная москвичка?

– Аж в четвертом поколении. Родилась и живу на Плющихе.

– Я не знаю, где это. Вообще, плохо в Москве ориентируюсь.

– Редко бывал, что ли?

– Редко. Когда учился, только по архивам ездил, – откровенно сказал Олег.

– Ученый, блин, перченый...

«Как быть? Рассказать или нет?» Хмель уже почти улетучился из его головы, спасибо постельным экзерсисам. Откладывать дальше было нельзя. То, что он сегодня узнал от Женьки Бакулина, имело значение и для Ирины Павловны Шереметьевой, и для ее команды.

– Чего в потолок уставился?

«Спецслужбы – это не шутки. Карим Ахмед, офшоры, миллионы... Куда я ввязался? Но можно ведь просто промолчать. Сами кашу заварили, сами пусть расхлебывают. Мое дело маленькое. Я человек посторонний: как пришел, так и уйду».

– Эй, чур не засыпать!

Елена потормошила его за плечо, и Олег всё-таки решился. Рассказ о беседе в рюмочной она выслушала очень внимательно, ни разу не перебив его. Смешливое выражение пропало с ее лица. Наконец, когда он добрался до финиша, Елена задала лишь один вопрос:

– Ни с кем не общался на эту тему?

– Нет.

– Очень хорошо.

Она рывком встала с кровати и, по-прежнему полностью обнаженная, с одним мобильником удалилась на кухню, плотно прикрыв за собой дверь. Кому звонила его новая подруга, Лапшин не слышал и выяснять не стал. Обратное Елена вышла минут через пять, соблазнительно покачивая узкими бедрами.

– Давай-ка еще разок. Справишься?

Когда она оседлала его, Олег успел спросить:

– Женьку никто не тронет?

– Кому он нужен? Я тебя умоляю...

Глава двенадцатая, в которой наступает ясность насчет половины ставки

Олегу не спалось. Он ворочался с боку на бок, так и этак поправлял подушку, отбрасывал и опять накидывал на себя казавшееся то слишком толстым, то слишком тонким одеяло. Сон упорно отказывался приходить, и это повторялось каждую ночь, третью неделю подряд.

Предвыборная кампания завершилась для него раньше срока. Газету-зеркалку с фельетоном выпускать передумали. Оставшиеся двести долларов ему выплатили, как договаривались. Более того, потом Игорь Есин завел его в переговорную и без комментариев сунул ему в ладонь сложенные вдвое другие зеленоватые бумажки.

– Я не понял... – заикнулся Олег.

– Тут нечего понимать. Бери, пользуйся, – по-военному коротко и ясно прервал обсуждение главный аналитик.

Банкноты Лапшин развернул уже на улице, под голубой елью, сдав свой временный пропуск на вахте и бесповоротно покинув здание. Десять купюр с портретом Улисса Гранта – во столько штаб Шереметьевой оценил его дополнительную услугу. Елена моталась где-то на выезде, и они даже не попрощались. Она не дала ему номер мобильного, а в кабинете

310 после его звонков каждый раз включался факс.

Женькина газета в пятницу вышла без единой строчки о предстоящих выборах. Олег дозвонился до редакции, где ему сообщили, что Бакулин на больничном. Услышав про больничный, Лапшин похолодел. К счастью, в старой записной книжке сохранился домашний телефон однокурсника, и он не изменился.

– А-а, Ол-лежка, – язык у Женьки то и дело заплетался, причем явно не от лекарств. – Т-ты д-далеко?

– Что с тобой?

– П-поправляюсь.

– От чего?

– От в-всего. П-подгребай, н-накатим за свободу слова.

Олегу полегчало.

– Ты мне жаловался, что и на бухло деньги кончаются.

– Т-теперь н-нескоро кончатся. Жду!

У Бакулина что-то упало с дребезгом. В гости к нему Олег не поехал. Шереметьева победила не с огромным, но вполне достаточным отрывом от Полищука. Повлиял на такой исход образ поющей блондинки или помогло что-то еще, рассмотреть издали было сложно. Губернатор поздравил ее через официальный листок, выразив надежду на то, что Ирина Павловна принесет много пользы региону и его жителям.

Защита диссертации прошла штатно. Именно таким словом оценил ее многоопытный Арсений Витальевич. Без блеска, но и без сюрпризов со знаком «минус». На банкете

Олег почти не пил и был молчалив, боковым зрением периодически ловя удивленные взгляды коллег. Впрочем, приглашенным было хорошо и без виновника торжества.

По поводу кафедральных перспектив состоялся мутноватый разговор с Калачевым. Иван Трофимович не предложил ничего конкретного, только намекнул, что полставки возможны, но понимание наступит ближе к концу августа.

– Вы, Олег, не отчаивайтесь, – утешал его Шерхан в своем закутке за шкафом, когда профессор отчалил в деканат. – Я слышал в кулуарах, что вероятность высокая. Потерпите!

– Потерплю, конечно, – меланхолично ответил Лапшин.

Тираж сборника типография отгрузила на третий день после защиты. Свои экземпляры Олег, не распаковывая, закинул на антресоль. Мама и папа реагировали на его поведение с повышенной тревогой, тем более что сын категорически отказался от путевки в южный санаторий.

– На речке купаюсь, – отрезал он.

Большая часть Большого плана была выполнена, и Лапшина до последней клеточки обуяло ощущение пустоты. Он не чувствовал ни малейшего удовлетворения от сделанного и не ждал ничего светлого в будущем. Несколько раз действительно съездил на электричке за город, на речку. Один, без компании, навестил любимые места за университетской турбазой, однако настроение оставалось прежним.

Наверное, пора было взять себя в руки, тащиться в коммерческую академию менеджмента, маркетинга и чего-то

еще – договариваться насчет часов, а то и половины ставки, если повезет. Академия брала тоже не всех подряд, хотела рекомендаций.

В один из томительно-бессмысленных дней Олег посетил библиотеку. Долго рылся в отделе периодики, пока не откопал журнал с перепечатками из иностранных медиа. Кариму Ахмеду, его бизнесу, друзьям и союзникам посвятил обширную статью обозреватель из Лондона. По его версии, Ахмед сам был доверенным держателем чужих активов. Англичанин предполагал, что из Советского Союза в Ирак дальновидные люди заранее переправили часть пресловутого «золота партии».

Так и не поняв, то ли в комнате жарко, то ли прохладно, он поднялся с дивана, зажег настольную лампу. Дома и на улице, за открытой балконной дверью, было тихо-тихо. В этот час даже машины ездить перестали. Папка с фельетоном лежала в нижнем ящике стола, под копировальной бумагой. Там же, где до сих пор хранилось письмо от Вики.

Олег достал папку, но открыть не успел.

Громко и резко, будто пулеметная очередь, в прихожей протрещал звонок. Родители, видимо, забыли поставить телефон на минимальную громкость.

«С ума сошли?» – подумал Лапшин, первым хватая трубку.

– Дрыхнешь? – раздался веселый голос Елены Медовик.

– Ты?

– Нет, не я. Мой двойник, как у Саддама Хусейна.

– Ты... – повторил Олег, не веря своим ушам и расплываясь в улыбке.

– Закис в глубинке?

– Без тебя закис, – сознался он.

– Я офигенно рада. Есть деловое предложение.

Скрипнула дверь в родительскую спальню. Мама в халате, накинутом поверх ночной рубашки, выбралась на шум.

– Кто там?

Олег замахал свободной рукой: мол, всё путем, потом объясню. Мама не уходила. Он схватил аппарат и вместе с проводом удлинителя потащил в свои апартаменты. Стало страшно, что связь прервется.

– Слушаешь меня?

– Да!

– Так вот, едем на следующую кампанию. Присоединяйся. Есин за тебя поручился, я тоже. Беру над тобой шефство.

– Шефство?

– Ты же хотел на буксир.

– А... куда? – Олег опешил.

Елена до жути знакомо расхохоталась.

– В таких случаях принято спрашивать: «Сколько?» Но, вообще, это Крым. Море, солнце, вино, много секса – со мной, естественно. Работы еще больше, проект долгосрочный. Будем жить бездуховной жизнью.

– Я прямо не знаю, это же заграница...

– Какая, на хрен, заграница?

Большой план летел кувырком, и Олег понимал, что не испытывает по этому поводу печали. Иная, неизведанная жизнь, полная приключений, испытаний и, возможно, опасностей, манила его в лице бесцеремонной и циничной Елены. Пробыв пассивным наблюдателем, пока другие нахрапом меняли окружающий мир, он как историк и современник, естественно, отдавал себе отчет в том, что политику не делают в белых перчатках. При всем желании Лапшин не улавливал особой разницы между сторонами в той грызне за власть и собственность, которая шла на просторах распавшейся державы. А работа в штабе у Шереметьевой снабдила его дополнительными доказательствами. Коли так, не одной же Валентине Сергеевне Кошечкиной быть в плюсе от взаимовыгодного сотрудничества с ушлыми столичными ребятами?

«И на мне славно сэкономили благодаря ей, ну да ладно. Всё равно спасибо за участие», – столь же цинично рассудил он про себя.

– Короче, Склифосовский! Да или нет?

Под дверью комнаты зашуршало. «Слышно всё, динамик сильный», – понял Олег.

«Может, не надо? Может, дадут в сентябре местечко на кафедре, а там важно зацепиться, застолбить грядку. Или с академией получится. Или еще где-то. Буду потом, как Василий Афанасьевич, до преклонных годов на дипломниц жму-

риться... А, может, это вообще любовь – с Еленой?»»

– Да, – твердо ответил он.

КОНЕЦ